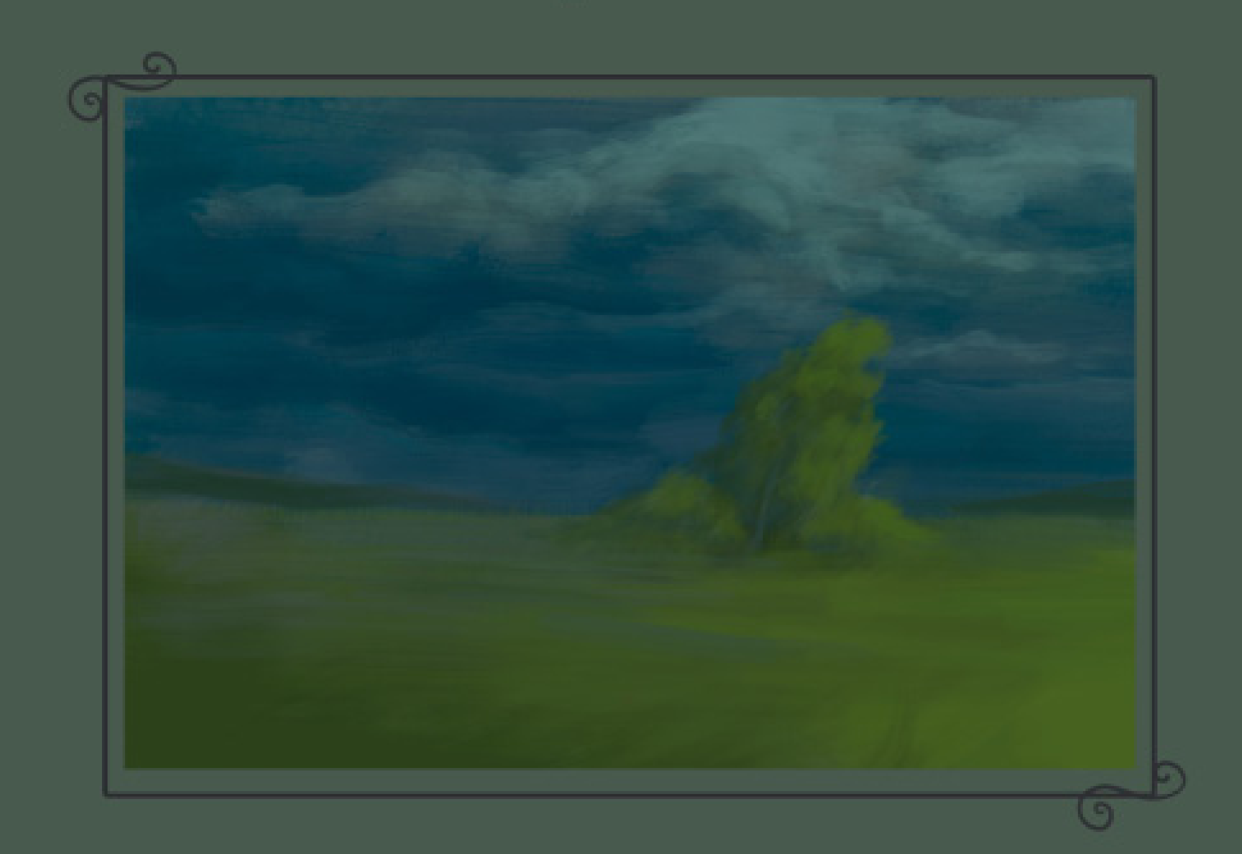
Александр Островский

Гроза

Содержание

Действие первое 2
Действие второе...16
Действие третье 26
Действие четвертое...38
Действие пятое...46

Гроза

Драма в пяти действиях

Лица:
Савел Прокофьевич Дикой, купец, значительное лицо в городе 1.
Борис Григорьевич, племянник его, молодой человек, порядочно образованный.
Марфа Игнатьевна Кабанова (Кабаниха), богатая купчиха, вдова.
Тихон Иваныч Кабанов, ее сын.
Катерина, жена его.
Варвара, сестра Тихона.
Кулигин, мещанин, часовщик-самоучка, отыскивающий перпетуум-мобиле.
Ваня Кудряш, молодой человек, конторщик Дикова.
Шапкин, мещанин.
Феклуша, странница.
Глаша, девка в доме Кабановой.
Барыня с двумя лакеями, старуха 70-ти лет, полусумасшедшая.
Городские жители обоего пола.

Действие происходит в городе Калинове, на берегу Волги, летом. Между 3 и 4 действиями проходит 10 дней.

Действие первое

Общественный сад на высоком берегу Волги; за Волгой сельский вид. На сцене две скамейки и несколько кустов.

Явление первое

Кулигин сидит на скамье и смотрит за реку. Кудряш и Шапкин прогуливаются.
Кулигин (поет). «Среди долины ровныя, на гладкой высоте...» (Перестает петь.) Чудеса, истинно надобно сказать, что чудеса! Кудряш! Вот, братец ты мой, пятьдесят лет я каждый день гляжу за Волгу и все наглядеться не могу.
Кудряш. А что?
Кулигин. Вид необыкновенный! Красота! Душа радуется.
Кудряш. Нешто!
Кулигин. Восторг! А ты: «нешто!» Пригляделись вы, либо не понимаете, какая красота в природе разлита.
Кудряш. Ну, да ведь с тобой что толковать! Ты у нас антик, химик!
Кулигин. Механик, самоучка-механик.
Кудряш. Все одно.
Молчание.
Кулигин (показывая в сторону). Посмотри-ка, брат Кудряш, кто это там так руками размахивает?
Кудряш. Это? Это Дикой племянника ругает.
Кулигин. Нашел место!
Кудряш. Ему везде место. Боится, что ль, он кого! Достался ему на жертву Борис Григорьич, вот он на нем и ездит.
Шапкин. Уж такого-то ругателя, как у нас Савел Прокофьич, поискать еще! Ни за что человека оборвет.
Кудряш. Пронзительный мужик!
Шапкин. Хороша тоже и Кабаниха.
Кудряш. Ну, да та хоть по крайности все под видом благочестия, а этот как с цепи сорвался!
Шапкин. Унять-то ею некому, вот он и воюет!
Кудряш. Мало у нас парней-то на мою стать, а то бы мы его озорничать-то отучили.
Шапкин. А что бы вы сделали?
Кудряш. Постращали бы хорошенько.
Шапкин. Как это?
Кудряш. Вчетвером этак, впятером в переулке где-нибудь поговорили бы с ним с глазу на глаз, так он бы шелковый сделался. А про нашу науку-то и не пикнул бы никому, только бы ходил да оглядывался.
Шапкин. Недаром он хотел тебя в солдаты-то отдать.
Кудряш. Хотел, да не отдал, так это все одно что ничего. Не отдаст он меня: он чует носом-то своим, что я свою голову дешево не продам. Это он вам страшен-то, а я

с ним разговаривать умею.
Шапкин. Ой ли!
Кудряш. Что тут: ой ли! Я грубиян считаюсь; за что ж он меня держит? Стало быть, я ему нужен. Ну, значит, я его и не боюсь, а пущай же он меня боится.
Шапкин. Уж будто он тебя и не ругает?
Кудряш. Как не ругать! Он без этого дышать не может. Да не спускаю и я: он — слово, а я — десять; плюнет, да и пойдет. Нет, уж я перед ним рабствовать не стану.
Кулигин. С него, что ль, пример брать! Лучше уж стерпеть.
Кудряш. Ну, вот, коль ты умен, так ты его прежде учливости-то выучи, да потом и нас учи! Шаль, что дочери-то у него подростки, больших-то ни одной нет.
Шапкин. А то что бы?
Кудряш. Я б его уважил. Больно лих я на девок-то!
Проходят Дикой и Борис. Кулигин снимает шапку.
Шапкин (Кудряшу). Отойдем к стороне: еще привяжется, пожалуй.
Отходят.

Явление второе

Те же, Дикой и Борис.

Дикой. Баклуши ты, что ль, бить сюда приехал! Дармоед! Пропади ты пропадом!
Борис. Праздник; что дома-то делать!
Дикой. Найдешь дело, как захочешь. Раз тебе сказал, два тебе сказал: «Не смей мне навстречу попадаться»; тебе все неймется! Мало тебе места-то? Куда ни поди, тут ты и есть! Тьфу ты, проклятый! Что ты как столб стоишь-то! Тебе говорят аль нет?
Борис. Я и слушаю, что ж мне делать еще!
Дикой (посмотрев на Бориса). Провались ты! Я с тобой и говорить-то не хочу, с езуитом. (Уходя.) Вот навязался! (Плюет и уходит.)

Явление третье

Кулигин, Борис, Кудряш и Шапкин.

Кулигин. Что у вас, сударь, за дела с ним? Не поймем мы никак. Охота вам жить у него да брань переносить.
Борис. Уж какая охота, Кулигин! Неволя.
Кулигин. Да какая же неволя, сударь, позвольте вас спросить. Коли можно, сударь, так скажите нам.
Борис. Отчего ж не сказать? Знали бабушку нашу, Анфису Михайловну?
Кулигин. Ну, как не знать!
Кудряш. Как не знать!

Борис. Батюшку она ведь невзлюбила за то, что он женился на благородной. По этому-то случаю батюшка с матушкой и жили в Москве. Матушка рассказывала, что она трех дней не могла ужиться с родней, уж очень ей дико казалось.
Кулигин. Еще бы не дико! Уж что говорить! Большую привычку нужно, сударь, иметь.
Борис. Воспитывали нас родители в Москве хорошо, ничего для нас не жалели. Меня отдали в Коммерческую академию, а сестру в пансион, да оба вдруг и умерли в холеру; мы с сестрой сиротами и остались. Потом мы слышим, что и бабушка здесь умерла и оставила завещание, чтобы дядя нам заплатил часть, какую следует, когда мы придем в совершеннолетие, только с условием.
Кулигин. С каким же, сударь?
Борис. Если мы будем к нему почтительны.
Кулигин. Это значит, сударь, что вам наследства вашего не видать никогда.
Борис. Да нет, этого мало, Кулигин! Он прежде наломается над нами, наругается всячески, как его душе угодно, а кончит все-таки тем, что не даст ничего или так, какую-нибудь малость. Да еще станет рассказывать, что из милости дал, что и этого бы не следовало.
Кудряш. Уж это у нас в купечестве такое заведение. Опять же, хоть бы вы и были к нему почтительны, нешто кто ему запретит сказать-то, что вы непочтительны?
Борис. Ну да. Уж он и теперь поговаривает иногда: «У меня свои дети, за что я чужим деньги отдам? Чрез это я своих обидеть должен!»
Кулигин. Значит, сударь, плохо ваше дело.
Борис. Кабы я один, так бы ничего! Я бы бросил все да уехал. А то сестру жаль. Он было и ее выписывал, да матушкины родные не пустили, написали, что больна. Какова бы ей здесь жизнь была, и представить страшно.
Кудряш. Уж само собой. Нешто они обращение понимают?
Кулигин. Как же вы у него живете, сударь, на каком положении?
Борис. Да ни на каком: «Живи, говорит, у меня, делай, что прикажут, а жалованья, что положу». То есть через год разочтет, как ему будет угодно.
Кудряш. У него уж такое заведение. У нас никто и пикнуть не смей о жалованье, изругает на чем свет стоит. «Ты, говорит, почем знаешь, что я на уме держу? Нешто ты мою душу можешь знать! А может, я приду в такое расположение, что тебе пять тысяч дам». Вот ты и поговори с ним! Только еще он во всю свою жизнь ни разу в такое-то расположение не приходил.
Кулигин. Что ж делать-то, сударь! Надо стараться угождать как-нибудь.
Борис. В том-то и дело, Кулигин, что никак невозможно. На него и свои-то никак угодить не могут; а уж где ж мне!
Кудряш. Кто ж ему угодит, коли у него вся жизнь основана на ругательстве? А уж пуще всего из-за денег; ни одного расчета без брани не обходится. Другой рад от своего отступиться, только бы он унялся. А беда, как его поутру кто-нибудь рассердит! Целый день ко всем придирается.
Борис. Тетка каждое утро всех со слезами умоляет: «Батюшки, не рассердите! голубчики, не рассердите!»

Кудряш. Да нешто убережешься! Попал на базар, вот и конец! Всех мужиков переругает. Хоть в убыток проси, без брани все-таки не отойдет. А потом и пошел на весь день.
Шапкин. Одно слово: воин!
Кудряш. Еще какой воин-то!
Борис. А вот беда-то, когда его обидит такой человек, которого он обругать не смеет; тут уж домашние держись!
Кудряш. Батюшки! Что смеху-то было! Как-то его на Волге, на перевозе, гусар обругал. Вот чудеса-то творил!
Борис. А каково домашним-то было! После этого две недели все прятались по чердакам да по чуланам.
Кулигин. Что это? Никак, народ от вечерни тронулся?
Проходят несколько лиц в глубине сцены.
Кудряш. Пойдем, Шапкин, в разгул! Что тут стоять-то?
Кланяются и уходят.
Борис. Эх, Кулигин, больно трудно мне здесь без привычки-то! Все на меня както дико смотрят, точно я здесь лишний, точно мешаю им. Обычаев я здешних не знаю. Я понимаю, что все это наше русское, родное, а все-таки не привыкну никак.
Кулигин. И не привыкнете никогда, сударь.
Борис. Отчего же?
Кулигин. Жестокие нравы, сударь, в нашем городе, жестокие! В мещанстве, сударь, вы ничего, кроме грубости да бедности нагольной, не увидите. И никогда нам, сударь, не выбиться из этой коры! Потому что честным трудом никогда не заработать нам больше насущного хлеба. А у кого деньги, сударь, тот старается бедного закабалить, чтобы на его труды даровые еще больше денег наживать. Знаете, что ваш дядюшка, Савел Прокофьич, городничему отвечал? К городничему мужички пришли жаловаться, что он ни одного из них путем не разочтет. Городничий и стал ему говорить: «Послушай, говорит, Савел Прокофьич, рассчитывай ты мужиков хорошенько! Каждый день ко мне с жалобой ходят!» Дядюшка ваш потрепал городничего по плечу, да и говорит: «Стоит ли, ваше высокоблагородие, нам с вами об таких пустяках разговаривать! Много у меня в год-то народу перебывает; вы то поймите: недоплачу я им по какой-нибудь копейке на человека, а у меня из этого тысячи составляются, так оно мне и хорошо!» Вот как, сударь! А между собой-то, сударь, как живут! Торговлю друг у друга подрывают, и не столько из корысти, сколько из зависти. Враждуют друг на друга; залучают в свои высокие-то хоромы пьяных приказных, таких, сударь, приказных, что и виду-то человеческого на нем нет, обличье-то человеческое истеряно. А те им, за малую благостыню, на гербовых листах злостные кляузы строчат на ближних. И начнется у них, сударь, суд да дело, и несть конца мучениям. Судятся-судятся здесь, да в губернию поедут, а там уж их и ждут да от радости руками плещут. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; водят их, водят, волочат их, волочат; а они еще и рады этому волоченью, того только им и надобно. «Я,

говорит, потрачусь, да уж и ему станет в копейку». Я было хотел все это стихами изобразить...

Борис. А вы умеете стихами?

Кулигин. По-старинному, сударь. Поначитался-таки Ломоносова, Державина... Мудрец был Ломоносов, испытатель природы... А ведь тоже из нашего, из простого звания.

Борис. Вы бы и написали. Это было бы интересно.

Кулигин. Как можно, сударь! Съедят, живого проглотят. Мне уж и так, сударь, за мою болтовню достается; да не могу, люблю разговор рассыпать! Вот еще про семейную жизнь хотел я вам, сударь, рассказать; да когда-нибудь в другое время. А тоже есть что послушать.

Входят Феклуша и другая женщина.

Феклуша. Бла-алепие, милая, бла-алепие! Красота дивная! Да что уж говорить! В обетованной земле живете! И купечество все народ благочестивый, добродетелями многими украшенный! Щедростью и подаяниями многими! Я так довольна, так, матушка, довольна, по горлушко! За наше неоставление им еще больше щедрот приумножится, а особенно дому Кабановых.

Уходят.

Борис. Кабановых?

Кулигин. Ханжа, сударь! Нищих оделяет, а домашних заела совсем.

Молчание.

Только б мне, сударь, перепету-мобиль найти!

Борис. Что ж бы вы сделали?

Кулигин. Как же, сударь! Ведь англичане миллион дают; я бы все деньги для общества и употребил, для поддержки. Работу надо дать мещанству-то. А то руки есть, а работать нечего.

Борис. А вы надеетесь найти перпетуум-мобиле?

Кулигин. Непременно, сударь! Вот только бы теперь на модели деньжонками раздобыться. Прощайте, сударь! (Уходит.)

Явление четвертое

Борис (один). Жаль его разочаровывать-то! Какой хороший человек! Мечтает себе и счастлив. А мне, видно, так и загубить свою молодость в этой трущобе. Уж ведь совсем убитый хожу, а тут еще дурь в голову лезет! Ну, к чему пристало! мне ли уж нежности заводить? Загнан, забит, а тут еще сдуру-то влюбляться вздумал. Да в кого! В женщину, с которой даже и поговорить-то никогда не удастся. (Молчание.) А все-таки нейдет она у меня из головы, хоть ты что хочешь. Вот она! Идет с мужем, ну и свекровь с ними! Ну не дурак ли я! Погляди из-за угла, да и ступай домой. (Уходит.)

С противоположной стороны входят Кабанова, Кабанов, Катерина и Варвара.

Явление пятое

Кабанова, Кабанов, Катерина и Варвара.

Кабанова. Если ты хочешь мать послушать, так ты, как приедешь туда, сделай так, как я тебе приказывала.

Кабанов. Да как же я могу, маменька, вас ослушаться!

Кабанова. Не очень-то нынче старших уважают.

Варвара (про себя). Не уважишь тебя, как же!

Кабанов. Я, кажется, маменька, из вашей воли ни на шаг.

Кабанова. Поверила бы я тебе, мой друг, кабы своими глазами не видала да своими ушами не слыхала, каково теперь стало почтение родителям от детей-то! Хоть бы то-то помнили, сколько матери болезней от детей переносят.

Кабанов. Я, маменька...

Кабанова. Если родительница что когда и обидное, по вашей гордости, скажет, так, я думаю, можно бы перенести! А, как ты думаешь?

Кабанов. Да когда же я, маменька, не переносил от вас?

Кабанова. Мать стара, глупа; ну, а вы, молодые люди, умные, не должны с нас, дураков, и взыскивать.

Кабанов (вздыхая в сторону). Ах ты, господи! (Матери.) Да смеем ли мы, маменька, подумать!

Кабанова. Ведь от любви родители и строги-то к вам бывают, от любви вас и бранят-то, все думают добру научить. Ну, а это нынче не нравится. И пойдут детки-то по людям славить, что мать ворчунья, что мать проходу не дает, со свету сживает. А, сохрани господи, каким-нибудь словом снохе не угодить, ну и пошел разговор, что свекровь заела совсем.

Кабанов. Нешто, маменька, кто говорит про вас?

Кабанова. Не слыхала, мой друг, не слыхала, лгать не хочу. Уж кабы я слышала, я бы с тобой, мой милый, тогда не так заговорила. (Вздыхает.) Ох, грех тяжкий! Вот долго ли согрешить-то! Разговор близкий сердцу пойдет, ну и согрешишь, рассердишься. Нет, мой друг, говори, что хочешь, про меня. Никому не закажешь говорить: в глаза не посмеют, так за глаза станут.

Кабанов. Да отсохни язык...

Кабанова. Полно, полно, не божись! Грех! Я уж давно вижу, что тебе жена милее матери. С тех пор как женился, я уж от тебя прежней любви не вижу.

Кабанов. В чем же вы, маменька, это видите?

Кабанова. Да во всем, мой друг! Мать чего глазами не увидит, так у нее сердце вещун, она сердцем может чувствовать. Аль жена тебя, что ли, отводит от меня, уж не знаю.

Кабанов. Да нет, маменька! что вы, помилуйте!

Катерина. Для меня, маменька, все одно, что родная мать, что ты, да и Тихон тоже тебя любит.

Кабанова. Ты бы, кажется, могла и помолчать, коли тебя не спрашивают. Не заступайся, матушка, не обижу небось! Ведь он мне тоже сын; ты этого не забывай!

Что ты выскочила в глазах-то поюлить! Чтобы видели, что ли, как ты мужа любишь? Так знаем, знаем, в глазах-то ты это всем доказываешь.

Варвара (про себя). Нашла место наставления читать.

Катерина. Ты про меня, маменька, напрасно это говоришь. Что при людях, что без людей, я все одна, ничего я из себя не доказываю.

Кабанова. Да я об тебе и говорить не хотела; а так, к слову пришлось.

Катерина. Да хоть и к слову, за что ж ты меня обижаешь?

Кабанова. Экая важная птица! Уж и обиделась сейчас.

Катерина. Напраслину-то терпеть кому ж приятно!

Кабанова. Знаю я, знаю, что вам не по нутру мои слова, да что ж делать-то, я вам не чужая, у меня об вас сердце болит. Я давно вижу, что вам воли хочется. Ну что ж, дождетесь, поживете и на воле, когда меня не будет. Вот уж тогда делайте что хотите, не будет над вами старших. А может, и меня вспомянете.

Кабанов. Да мы об вас, маменька, денно и нощно бога молим, чтобы вам, маменька, бог дал здоровья и всякого благополучия и в делах успеху.

Кабанова. Ну, полно, перестань, пожалуйста. Может быть, ты и любил мать, пока был холостой. До меня ли тебе; у тебя жена молодая.

Кабанов. Одно другому не мешает-с: жена само по себе, а к родительнице я само по себе почтение имею.

Кабанова. Так променяешь ты жену на мать? Ни в жизнь я этому не поверю.

Кабанов. Да для чего же мне менять-с? Я обеих люблю.

Кабанова. Ну да, да, так и есть, размазывай! Уж я вижу, что я вам помеха.

Кабанов. Думайте как хотите, на все есть ваша воля; только я не знаю, что я за несчастный такой человек на свет рожден, что не могу вам угодить ничем.

Кабанова. Что ты сиротой-то прикидываешься! Что ты нюни-то распустил? Ну, какой ты муж? Посмотри ты на себя! Станет ли тебя жена бояться после этого?

Кабанов. Да зачем же ей бояться? С меня и того довольно, что она меня любит.

Кабанова. Как зачем бояться! Как зачем бояться! Да ты рехнулся, что ли? Тебя не станет бояться, меня и подавно. Какой же это порядок-то в доме будет? Ведь ты, чай, с ней в законе живешь. Али, по-вашему, закон ничего не значит? Да уж коли ты такие дурацкие мысли в голове держишь, ты бы при ней-то, по крайней мере, не болтал да при сестре, при девке; ей тоже замуж идти: этак она твоей болтовни наслушается, так после муж-то нам спасибо скажет за науку. Видишь ты, какой еще ум-то у тебя, а ты еще хочешь своей волей жить.

Кабанов. Да я, маменька, и не хочу своей волей жить. Где уж мне своей волей жить!

Кабанова. Так, по-твоему, нужно все лаской с женой? Уж и не прикрикнуть на нее, и не пригрозить?

Кабанов. Да я, маменька...

Кабанова (горячо). Хоть любовника заводи! А! И это, может быть, по-твоему, ничего? А! Ну, говори!

Кабанов. Да, ей-богу, маменька...

Кабанова (совершенно хладнокровно). Дурак! (Вздыхает.) Что с дураком и говорить! только грех один!

Молчание.

Я домой иду.

Кабанов. И мы сейчас, только раз-другой по бульвару пройдем.

Кабанова. Ну, как хотите, только ты смотри, чтобы мне вас не дожидаться! Знаешь, я не люблю этого.

Кабанов. Нет, маменька! Сохрани меня господи!

Кабанова. То-то же! (Уходит.)

Явление шестое

Те же без Кабановой.

Кабанов. Вот видишь ты, вот всегда мне за тебя достается от маменьки! Вот жизнь-то моя какая!

Катерина. Чем же я-то виновата?

Кабанов. Кто ж виноват, я уж не знаю.

Варвара. Где тебе знать!

Кабанов. То все приставала: «Женись да женись, я хоть бы поглядела на тебя, на женатого»! А теперь поедом ест, проходу не дает — все за тебя.

Варвара. Так нешто она виновата! Мать на нее нападает, и ты тоже. А еще говоришь, что любишь жену. Скучно мне глядеть-то на тебя. (Отворачивается.)

Кабанов. Толкуй тут! Что ж мне делать-то?

Варвара. Знай свое дело — молчи, коли уж лучше ничего не умеешь. Что стоишь — переминаешься? По глазам вижу, что у тебя и на уме-то.

Кабанов. Ну, а что?

Варвара. Известно что. К Савелу Прокофьичу хочется, выпить с ним. Что, не так, что ли?

Кабанов. Угадала, брат.

Катерина. Ты, Тиша, скорей приходи, а то маменька опять браниться станет.

Варвара. Ты проворней, в самом деле, а то знаешь ведь!

Кабанов. Уж как не знать!

Варвара. Нам тоже не велика охота из-за тебя брань-то принимать.

Кабанов. Я мигом. Подождите! (Уходит.)

Явление седьмое

Катерина и Варвара.

Катерина. Так ты, Варя, жалеешь меня?

Варвара (глядя в сторону). Разумеется, жалко.

Катерина. Так ты, стало быть, любишь меня? (Крепко целует.)

Варвара. За что ж мне тебя не любить-то!

Катерина. Ну, спасибо тебе! Ты милая такая, я сама тебя люблю до смерти.
Молчание.
Знаешь, мне что в голову пришло?
Варвара. Что?
Катерина. Отчего люди не летают!
Варвара. Я не понимаю, что ты говоришь.
Катерина. Я говорю: отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела. Попробовать нешто теперь? (Хочет бежать.)
Варвара. Что ты выдумываешь-то?
Катерина (вздыхая). Какая я была резвая! Я у вас завяла совсем.
Варвара. Ты думаешь, я не вижу?
Катерина. Такая ли я была! Я жила, ни об чем не тужила, точно птичка на воле. Маменька во мне души не чаяла, наряжала меня, как куклу, работать не принуждала; что хочу, бывало, то и делаю. Знаешь, как я жила в девушках? Вот я тебе сейчас расскажу. Встану я, бывало, рано; коли летом, так схожу на ключок, умоюсь, принесу с собою водицы и все, все цветы в доме полью. У меня цветов было много-много. Потом пойдем с маменькой в церковь, все и странницы — у нас полон дом был странниц да богомолок. А придем из церкви, сядем за какую-нибудь работу, больше по бархату золотом, а странницы станут рассказывать: где они были, что видели, жития разные, либо стихи поют. Так до обеда время и пройдет. Тут старухи уснуть лягут, а я по саду гуляю. Потом к вечерне, а вечером опять рассказы да пение. Таково хорошо было!
Варвара. Да ведь и у нас то же самое.
Катерина. Да здесь все как будто из-под неволи. И до смерти я любила в церковь ходить! Точно, бывало, я в рай войду, и не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба кончится. Точно как все это в одну секунду было. Маменька говорила, что все, бывало, смотрят на меня, что со мной делается! А знаешь: в солнечный день из купола такой светлый столб вниз идет, и в этом столбе ходит дым, точно облака, и вижу я, бывало, будто ангелы в этом столбе летают и поют. А то, бывало, девушка, ночью встану — у нас тоже везде лампадки горели — да где-нибудь в уголке и молюсь до утра. Или рано утром в сад уйду, еще только солнышко восходит, упаду на колена, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чем молюсь и о чем плачу; так меня и найдут. И об чем я молилась тогда, чего просила — не знаю; ничего мне не надобно, всего у меня было довольно. А какие сны мне снились, Варенька, какие сны! Или храмы золотые, или сады какие-то необыкновенные, и всё поют невидимые голоса, и кипарисом пахнет, и горы и деревья будто не такие, как обыкновенно, а как на образах пишутся. А то будто я летаю, так и летаю по воздуху. И теперь иногда снится, да редко, да и не то.
Варвара. А что же?
Катерина (помолчав). Я умру скоро.
Варвара. Полно, что ты!

Катерина. Нет, я знаю, что умру. Ох, девушка, что-то со мной недоброе делается, чудо какое-то. Никогда со мной этого не было. Что-то во мне такое необыкновенное. Точно я снова жить начинаю, или... уж и не знаю.
Варвара. Что же с тобой такое?
Катерина (берет ее за руку). А вот что, Варя, быть греху какому-нибудь! Такой на меня страх, такой-то на меня страх! Точно я стою над пропастью и меня кто-то туда толкает, а удержаться мне не за что. (Хватается за голову рукой.)
Варвара. Что с тобой? Здорова ли ты?
Катерина. Здорова... Лучше бы я больна была, а то нехорошо. Лезет мне в голову мечта какая-то. И никуда я от нее не уйду. Думать стану — мыслей никак не соберу, молиться — не отмолюсь никак. Языком лепечу слова, а на уме совсем не то: точно мне лукавый в уши шепчет, да все про такие дела нехорошие. И то мне представляется, что мне самое себя совестно сделается. Что со мной? Перед бедой перед какой-нибудь это! Ночью, Варя, не спится мне, все мерещится шепот какой-то: кто-то так ласково говорит со мной, точно голубит меня, точно голубь воркует. Уж не снятся мне, Варя, как прежде, райские деревья да горы; а точно меня кто-то обнимает так горячо-горячо, и ведет меня куда-то, и я иду за ним, иду...
Варвара. Ну?
Катерина. Да что же это я говорю тебе: ты — девушка.
Варвара (оглядываясь). Говори! Я хуже тебя.
Катерина. Ну, что ж мне говорить? Стыдно мне.
Варвара. Говори, нужды нет!
Катерина. Сделается мне так душно, так душно дома, что бежала бы. И такая мысль придет на меня, что, кабы моя воля, каталась бы я теперь по Волге, на лодке, с песнями, либо на тройке на хорошей, обнявшись...
Варвара. Только не с мужем.
Катерина. А ты почем знаешь?
Варвара. Еще бы не знать!..
Катерина. Ах, Варя, грех у меня на уме! Сколько я, бедная, плакала, чего уж я над собой не делала! Не уйти мне от этого греха. Никуда не уйти. Ведь это нехорошо, ведь это страшный грех, Варенька, что я другого люблю?
Варвара. Что мне тебя судить! У меня свои грехи есть.
Катерина. Что же мне делать! Сил моих не хватает. Куда мне деваться; я от тоски что-нибудь сделаю над собой!
Варвара. Что ты! Что с тобой! Вот погоди, завтра братец уедет, подумаем; может быть, и видеться можно будет.
Катерина. Нет, нет, не надо! Что ты! Что ты! Сохрани господи!
Варвара. Чего ты так испугалась?
Катерина. Если я с ним хоть раз увижусь, я убегу из дому, я уж не пойду домой ни за что на свете.
Варвара. А вот погоди, там увидим.
Катерина. Нет, нет, и не говори мне, я и слушать не хочу!

Варвара. А что за охота сохнуть-то! Хоть умирай с тоски, пожалеют, что ль, тебя! Как же, дожидайся. Так какая ж неволя себя мучить-то!

Входит барыня с палкой и два лакея в треугольных шляпах сзади.

Явление восьмое

Те же и барыня.

Барыня. Что, красавицы? Что тут делаете? Молодцов поджидаете, кавалеров? Вам весело? Весело? Красота-то ваша вас радует? Вот красота-то куда ведет. (Показывает на Волгу.) Вот, вот, в самый омут!

Варвара улыбается.

Что смеетесь! Не радуйтесь! (Стучит палкой.) Все в огне гореть будете неугасимом. Все в смоле будете кипеть неутолимой! (Уходя.) Вон, вон куда красота-то ведет! (Уходит.)

Явление девятое

Катерина и Варвара.

Катерина. Ах, как она меня испугала! я дрожу вся, точно она пророчит мне что-нибудь.

Варвара. На свою бы тебе голову, старая карга!

Катерина. Что она сказала такое, а? Что она сказала?

Варвара. Вздор все. Очень нужно слушать, что она городит. Она всем так пророчит. Всю жизнь смолоду-то грешила. Спроси-ка, что об ней порасскажут! Вот умирать-то и боится. Чего сама-то боится, тем и других пугает. Даже все мальчишки в городе от нее прячутся, — грозит на них палкой да кричит (передразнивая): «Все гореть в огне будете!»

Катерина (зажмуриваясь). Ах, ах, перестань! У меня сердце упало.

Варвара. Есть чего бояться! Дура старая...

Катерина. Боюсь, до смерти боюсь! Все она мне в глазах мерещится.

Молчание.

Варвара (оглядываясь). Что это братец нейдет, вон, никак, гроза заходит.

Катерина (с ужасом). Гроза! Побежим домой! Поскорее!

Варвара. Что ты, с ума, что ли, сошла! Как же ты без братца-то домой покажешься?

Катерина. Нет, домой, домой! Бог с ним!

Варвара. Да что ты уж очень боишься: еще далеко гроза-то.

Катерина. А коли далеко, так, пожалуй, подождем немного; а право бы, лучше идти. Пойдем лучше!

Варвара. Да ведь уж коли чему быть, так и дома не спрячешься.

Катерина. Да все-таки лучше, все покойнее; дома-то я к образам да богу молиться!

Варвара. Я и не знала, что ты так грозы боишься. Я вот не боюсь.

Катерина. Как, девушка, не бояться! Всякий должен бояться. Не то страшно, что

убьет тебя, а то, что смерть тебя вдруг застанет, как ты есть, со всеми твоими грехами, со всеми помыслами лукавыми. Мне умереть не страшно, а как я подумаю, что вот вдруг я явлюсь перед богом такая, какая я здесь с тобой, после этого разговору-то, вот что страшно. Что у меня на уме-то! Какой грех-то! страшно вымолвить!

Гром.

Ах!

Кабанов входит.

Варвара. Вот братец идет. (Кабанову.) Беги скорей!

Гром.

Катерина. Ах! Скорей, скорей!

Действие второе

Комната в доме Кабановых.

Явление первое

Глаша (собирает платье в узлы) и Феклуша (входит).

Феклуша. Милая девушка, все-то ты за работой! Что делаешь, милая?
Глаша. Хозяина в дорогу собираю.
Феклуша. Аль едет куда свет наш?
Глаша. Едет.
Феклуша. Надолго, милая, едет?
Глаша. Нет, не надолго.
Феклуша. Ну, скатертью ему дорога! А что, хозяйка-то станет выть аль нет?
Глаша. Уж не знаю, как тебе сказать.
Феклуша. Да она у вас воет когда?
Глаша. Не слыхать что-то.
Феклуша. Уж больно я люблю, милая девушка, слушать, коли кто хорошо воет-то!
Молчание.
А вы, девушка, за убогой-то присматривайте, не стянула б чего.
Глаша. Кто вас разберет, все вы друг на друга клеплете, что вам ладно-то не живется? Уж у нас ли, кажется, вам, странным, не житье, а вы все ссоритесь да перекоряетесь; греха-то вы не боитесь.
Феклуша. Нельзя, матушка, без греха: в миру живем. Вот что я тебе скажу, милая девушка: вас, простых людей, каждого один враг смущает, а к нам, к странным людям, к кому шесть, к кому двенадцать приставлено; вот и надобно их всех побороть. Трудно, милая девушка!
Глаша. Отчего ж к вам так много?
Феклуша. Это, матушка, враг-то из ненависти на нас, что жизнь такую праведную ведем. А я, милая девушка, не вздорная, за мной этого греха нет. Один грех за мной есть, точно; я сама знаю, что есть. Сладко поесть люблю. Ну так что ж! По немощи моей господь посылает.
Глаша. А ты, Феклуша, далеко ходила?
Феклуша. Нет, милая. Я, по своей немощи, далеко не ходила; а слыхать — много слыхала. Говорят, такие страны есть, милая девушка, где и царей-то нет православных, а салтаны землей правят. В одной земле сидит на троне салтан Махнут турецкий, а в другой — салтан Махнут персидский; и суд творят они, милая девушка, надо всеми людьми, и что ни судят они, все неправильно. И не могут они, милая, ни одного дела рассудить праведно, такой уж им предел положен. У нас закон праведный, а у них, милая, неправедный; что по нашему закону так выходит, а по ихнему все напротив. И все судьи у них, в ихних странах, тоже все неправедные; так им, милая девушка, и в просьбах пишут: «Суди меня, судья неправедный!» А то есть еще земля, где все люди с песьими головами.

Глаша. Отчего ж так, с песьими?
Феклуша. За неверность. Пойду я, милая девушка, по купечеству поброжу: не будет ли чего на бедность. Прощай покудова!
Глаша. Прощай!
Феклуша уходит.
Вот еще какие земли есть! Каких-то, каких-то чудес на свете нет! А мы тут сидим, ничего не знаем. Еще хорошо, что добрые люди есть; нет-нет да и услышишь, что на белом свету делается; а то бы так дураками и померли.

Входят Катерина и Варвара.

Явление второе

Катерина и Варвара.

Варвара (Глаше). Тащи узлы-то в кибитку, лошади приехали. (Катерине.) Молоду тебя замуж-то отдали, погулять-то тебе в девках не пришлось; вот у тебя сердце-то и не уходилось еще.
Глаша уходит.
Катерина. И никогда не уходится.
Варвара. Отчего же?
Катерина. Такая уж я зародилась горячая! Я еще лет шести была, не больше, так что сделала! Обидели меня чем-то дома, а дело было к вечеру, уж темно, я выбежала на Волгу, села в лодку, да и отпихнула ее от берега. На другое утро уж нашли, верст за десять!
Варвара. Ну, а парни поглядывали на тебя?
Катерина. Как не поглядывать!
Варвара. Что же ты? Неужто не любила никого?
Катерина. Нет, смеялась только.
Варвара. А ведь ты, Катя, Тихона не любишь.
Катерина. Нет, как не любить! Мне жалко его очень.
Варвара. Нет, не любишь. Коли жалко, так не любишь. Да и не за что, надо правду сказать. И напрасно ты от меня скрываешься! Давно уж я заметила, что ты любишь одного человека.
Катерина (с испугом). Почем же ты заметила?
Варвара. Как ты смешно говоришь! Маленькая я, что ли! Вот тебе первая примета: как ты увидишь его, вся в лице переменишься.
Катерина потупляет глаза.
Да мало ли...
Катерина (потупившись). Ну, кого же?
Варвара. Да ведь ты сама знаешь, что называть-то?
Катерина. Нет, назови! По имени назови!

Варвара. Бориса Григорьича.
Катерина. Ну да, его, Варенька, его! Только ты, Варенька, ради бога...
Варвара. Ну, вот еще! Ты сама-то, смотри, не проговорись как-нибудь.
Катерина. Обманывать-то я не умею; скрыть-то ничего не могу.
Варвара. Ну, а ведь без этого нельзя; ты вспомни, где ты живешь! У нас весь дом на том держится. И я не обманщица была, да выучилась, когда нужно стало. Я вчера гуляла, так его видела, говорила с ним.
Катерина (после непродолжительного молчания, потупившись). Ну так что ж?
Варвара. Кланяться тебе приказал. Жаль, говорит, что видеться негде.
Катерина (потупившись еще более). Где же видеться! Да и зачем...
Варвара. Скучный такой...
Катерина. Не говори мне про него, сделай милость, не говори! Я его и знать не хочу! Я буду мужа любить. Тиша, голубчик мой, ни на кого тебя не променяю! Я и думать-то не хотела, а ты меня смущаешь.
Варвара. Да не думай, кто ж тебя заставляет?
Катерина. Не жалеешь ты меня ничего! Говоришь: не думай, а сама напоминаешь. Разве я хочу об нем думать; да что делать, коли из головы нейдет. Об чем ни задумаю, а он так и стоит перед глазами. И хочу себя переломить, да не могу никак. Знаешь ли ты, меня нынче ночью опять враг смущал. Ведь я было из дому ушла.
Варвара. Ты какая-то мудреная, бог с тобой! А по-моему: делай что хочешь, только бы шито да крыто было.
Катерина. Не хочу я так. Да и что хорошего! Уж я лучше буду терпеть, пока терпится.
Варвара. А не стерпится, что ж ты сделаешь?
Катерина. Что я сделаю?
Варвара. Да, что сделаешь?
Катерина. Что мне только захочется, то и сделаю.
Варвара. Сделай, попробуй, так тебя здесь заедят.
Катерина. А что мне! Я уйду, да и была такова.
Варвара. Куда ты уйдешь? Ты мужняя жена.
Катерина. Эх, Варя, не знаешь ты моего характеру! Конечно, не дай бог этому случиться! А уж коли очень мне здесь опостынет, так не удержат меня никакой силой. В окно выброшусь, в Волгу кинусь. Не хочу здесь жить, так не стану, хоть ты меня режь!
Молчание.
Варвара. Знаешь что, Катя! Как Тихон уедет, так давай в саду спать, в беседке.
Катерина. Ну зачем, Варя?
Варвара. Да нешто не все равно?
Катерина. Боюсь я в незнакомом-то месте ночевать.
Варвара. Чего бояться-то! Глаша с нами будет.
Катерина. Все как-то робко! Да я, пожалуй.
Варвара. Я б тебя и не звала, да меня-то одну маменька не пустит, а мне нужно.
Катерина (смотря на нее). Зачем же тебе нужно?

Варвара (смеется). Будем там ворожить с тобой.
Катерина. Шутишь, должно быть?
Варвара. Известно, шучу; а то неужто в самом деле?
Молчание.
Катерина. Где ж это Тихон-то?
Варвара. На что он тебе?
Катерина. Нет, я так. Ведь скоро едет.
Варвара. С маменькой сидят, запершись. Точит она его теперь, как ржа железо.
Катерина. За что же?
Варвара. Ни за что, так, уму-разуму учит. Две недели в дороге будет, заглазное дело! Сама посуди! У нее сердце все изноет, что он на своей воле гуляет. Вот она ему теперь и надает приказов, один другого грозней, да потом к образу поведет, побожиться заставит, что все так точно он и сделает, как приказано.
Катерина. И на воле-то он словно связанный.
Варвара. Да, как же, связанный! Он как выедет, так запьет. Он теперь слушает, а сам думает, как бы ему вырваться-то поскорей.

Входят Кабанова и Кабанов.

Явление третье

Те же. Кабанова и Кабанов.

Кабанова. Ну, ты помнишь все, что я тебе сказала? Смотри ж, помни! На носу себе заруби!
Кабанов. Помню, маменька.
Кабанова. Ну, теперь все готово. Лошади приехали, проститься тебе только, да и с богом.
Кабанов. Да-с, маменька, пора.
Кабанова. Ну!
Кабанов. Чего изволите-с?
Кабанова. Что ж ты стоишь, разве порядку не знаешь? Приказывай жене-то, как жить без тебя.
Катерина потупила глаза в землю.
Кабанов. Да она, чай, сама знает.
Кабанова. Разговаривай еще! Ну, ну, приказывай! Чтоб и я слышала, что ты ей приказываешь! А потом приедешь, спросишь, так ли все исполнила.
Кабанов (становясь против Катерины). Слушайся маменьки, Катя!
Кабанова. Скажи, чтоб не грубила свекрови.
Кабанов. Не груби!
Кабанова. Чтоб почитала свекровь, как родную мать!
Кабанов. Почитай, Катя, маменьку, как родную мать!
Кабанова. Чтоб сложа ручки не сидела, как барыня!

Кабанов. Работай что-нибудь без меня!
Кабанова. Чтоб в окна глаз не пялила!
Кабанов. Да, маменька, когда ж она...
Кабанова. Ну, ну!
Кабанов. В окна не гляди!
Кабанова. Чтоб на молодых парней не заглядывалась без тебя!
Кабанов. Да что ж это, маменька, ей-богу!
Кабанова (строго). Ломаться-то нечего! Должен исполнять, что мать говорит. (С улыбкой.) Оно все лучше, как приказано-то.
Кабанов (сконфузившись). Не заглядывайся на парней!
Катерина строго взглядывает на него.
Кабанова. Ну, теперь поговорите промежду себя, коли что нужно. Пойдем, Варвара!

Уходят.

Явление четвертое

Кабанов и Катерина (стоит, как будто в оцепенении).

Кабанов. Катя!
Молчание.
Катя, ты на меня не сердишься?
Катерина (после непродолжительного молчания, покачав головой). Нет!
Кабанов. Да что ты такая? Ну, прости меня!
Катерина (все в том же состоянии, слегка покачав головой). Бог с тобой! (Закрыв лицо рукою.) Обидела она меня!
Кабанов. Все к сердцу-то принимать, так в чахотку скоро попадешь. Что ее слушать-то! Ей ведь что-нибудь надо ж говорить! Ну, и пущай она говорит, а ты мимо ушей пропущай. Ну, прощай, Катя!
Катерина (кидаясь на шею мужу). Тиша, не уезжай! Ради бога, не уезжай! Голубчик, прошу я тебя!
Кабанов. Нельзя, Катя. Коли маменька посылает, как же я не поеду!
Катерина. Ну, бери меня с собой, бери!
Кабанов (освобождаясь из ее объятий). Да нельзя!
Катерина. Отчего же, Тиша, нельзя?
Кабанов. Куда как весело с тобой ехать! Вы меня уж заездили здесь совсем! Я не чаю, как вырваться-то, а ты еще навязываешься со мной.
Катерина. Да неужели же ты разлюбил меня?
Кабанов. Да не разлюбил; а с этакой-то неволи от какой хочешь красавицы жены убежишь! Ты подумай то: какой ни на есть, а я все-таки мужчина, всю жизнь вот этак жить, как ты видишь, так убежишь и от жены. Да как знаю я теперича, что недели две никакой грозы надо мной не будет, кандалов эких на ногах нет, так до

жены ли мне?
Катерина. Как же мне любить-то тебя, когда ты такие слова говоришь?
Кабанов. Слова как слова! Какие же мне еще слова говорить! Кто тебя знает, чего ты боишься! Ведь ты не одна, ты с маменькой останешься.
Катерина. Не говори ты мне об ней, не тирань ты моего сердца! Ах, беда моя, беда! (Плачет.) Куда мне, бедной, деться? За кого мне ухватиться? Батюшки мои, погибаю я!
Кабанов. Да полно ты!
Катерина (подходит к мужу и прижимается к нему). Тиша, голубчик, кабы ты остался, либо взял ты меня с собой, как бы я тебя любила, как бы я тебя голубила, моего милого! (Ласкает его.)
Кабанов. Не разберу я тебя, Катя! То от тебя слова не добьешься, не то что ласки, а то так сама лезешь.
Катерина. Тиша, на кого ты меня оставляешь! Быть беде без тебя! Быть беде!
Кабанов. Ну, да ведь нельзя, так уж нечего делать.
Катерина. Ну, так вот что! Возьми ты с меня какую-нибудь клятву страшную...
Кабанов. Какую клятву?
Катерина. Вот какую; чтобы не смела я без тебя ни под каким видом ни говорить ни с кем чужим, ни видеться, чтобы и думать я не смела ни о ком, кроме тебя.
Кабанов. Да на что ж это?
Катерина. Успокой ты мою душу, сделай такую милость для меня!
Кабанов. Как можно за себя ручаться, мало ль что может в голову прийти.
Катерина (падая на колени). Чтоб не видать мне ни отца, ни матери! Умереть мне без покаяния, если я...
Кабанов (поднимая ее). Что ты! Что ты! Какой грех-то! Я и слушать не хочу!
Голос Кабановой: «Пора, Тихон!»

Входят Кабанова, Варвара и Глаша.

Явление пятое

Те же, Кабанова, Варвара и Глаша.

Кабанова. Ну, Тихон, пора! Поезжай с богом! (Садится.) Садитесь все!
Все садятся. Молчание.
Ну, прощай! (Встает, и все встают.)
Кабанов (подходя к матери). Прощайте, маменька!
Кабанова (жестом показывает на землю). В ноги, в ноги!
Кабанов кланяется в ноги, потом целуется с матерью.
Прощайся с женою!
Кабанов. Прощай, Катя!
Катерина кидается ему на шею.
Кабанова. Что на шею-то виснешь, бесстыдница! Не с любовником прощаешься!

Он тебе муж — глава! Аль порядку не знаешь? В ноги кланяйся!
Катерина кланяется в ноги.
Кабанов. Прощай, сестрица! (Целуется с Варварой.) Прощай, Глаша! (Целуется, с Глашей.) Прощайте, маменька! (Кланяется.)
Кабанова. Прощай! Дальние проводы — лишние слезы.

Кабанов уходит, за ним Катерина, Варвара и Глаша.

Явление шестое

Кабанова (одна). Молодость-то что значит! Смешно смотреть-то даже на них! Кабы не свои, насмеялась бы досыта. Ничего-то не знают, никакого порядка. Проститься-то путем не умеют. Хорошо еще, у кого в доме старшие есть, ими дом-то и держится, пока живы. А ведь тоже, глупые, на свою волю хотят, а выйдут на волю-то, так и путаются на покор да смех добрым людям. Конечно, кто и пожалеет, а больше все смеются. Да не смеяться-то нельзя; гостей позовут, посадить не умеют, да еще, гляди, позабудут кого из родных. Смех, да и только! Так-то вот старина-то и выводится. В другой дом и взойти-то не хочется. А и взойдешь-то, так плюнешь да вон скорее. Что будет, как старики перемрут, как будет свет стоять, уж и не знаю. Ну, да уж хоть то хорошо, что не увижу ничего.

Входят Катерина и Варвара.

Явление седьмое

Кабанова, Катерина и Варвара.

Кабанова. Ты вот похвалялась, что мужа очень любишь; вижу я теперь твою любовь-то. Другая хорошая жена, проводивши мужа-то, часа полтора воет, лежит на крыльце; а тебе, видно, ничего.
Катерина. Не к чему! Да и не умею. Что народ-то смешить!
Кабанова. Хитрость-то не великая. Кабы любила, так бы выучилась. Коли порядком не умеешь, ты хоть бы пример-то этот сделала; все-таки пристойнее; а то, видно, на словах-то только. Ну, я богу молиться пойду; не мешайте мне.
Варвара. Я со двора пойду.
Кабанова (ласково). А мне что! Поди! Гуляй, пока твоя пора придет. Еще насидишься!

Уходят Кабанова и Варвара.

Явление восьмое

Катерина (одна, задумчиво). Ну, теперь тишина у нас в доме воцарится. Ах, какая

скука! Хоть бы дети чьи-нибудь! Эко горе! Деток-то у меня нет: все бы я и сидела с ними да забавляла их. Люблю очень с детьми разговаривать — ангелы ведь это. (Молчание.) Кабы я маленькая умерла, лучше бы было. Глядела бы я с неба на землю да радовалась всему. А то полетела бы невидимо, куда захотела. Вылетела бы в поле и летала бы с василька на василек по ветру, как бабочка. (Задумывается.) А вот что сделаю: я начну работу какую-нибудь по обещанию; пойду в гостиный двор, куплю холста, да и буду шить белье, а потом раздам бедным. Они за меня богу помолят. Вот и засядем шить с Варварой, и не увидим, как время пройдет; а тут Тиша приедет.

Входит Варвара.

Явление девятое

Катерина и Варвара.

Варвара (покрывает голову платком перед зеркалом). Я теперь гулять пойду; а ужо нам Глаша постелет постели в саду, маменька позволила. В саду, за малиной, есть калитка, ее маменька запирает на замок, а ключ прячет. Я его унесла, а ей подложила другой, чтоб не заметила. На вот, может быть, понадобится. (Подает ключ.) Если увижу, так скажу, чтоб приходил к калитке.
Катерина (с испугом отталкивая ключ). На что! На что! Не надо, не надо!
Варвара. Тебе не надо, мне понадобится; возьми, не укусит он тебя.
Катерина. Да что ты затеяла-то, греховодница! Можно ли это! Подумала ль ты? Что ты! Что ты!
Варвара. Ну, я много разговаривать не люблю; да и некогда мне. Мне гулять пора. (Уходит.)

Явление десятое

Катерина (одна, держа ключ в руках). Что она это делает-то? Что она только придумывает? Ах, сумасшедшая, право, сумасшедшая! Вот погибель-то! Вот она! Бросить его, бросить далеко, в реку кинуть, чтоб не нашли никогда. Он руки-то жжет, точно уголь. (Подумав.) Вот так-то и гибнет наша сестра-то. В неволе-то кому весело! Мало ли что в голову-то придет. Вышел случай, другая и рада: так очертя голову и кинется. А как же это можно, не подумавши, не рассудивши-то! Долго ли в беду попасть! А там и плачься всю жизнь, мучайся; неволя-то еще горчее покажется. (Молчание.) А горька неволя, ох как горька! Кто от нее не плачет! А пуще всех мы, бабы. Вот хоть я теперь! Живу — маюсь, просвету себе не вижу! Да и не увижу, знать! Что дальше, то хуже. А теперь еще этот грех-то на меня. (Задумывается.) Кабы не свекровь!.. Сокрушила она меня... от нее мне и дом-то опостылел; стены-то даже противны. (Задумчиво смотрит на ключ.) Бросить его? Разумеется, надо бросить. И как он это ко мне в руки попал? На соблазн, на па-

губу мою. (Прислушивается.) Ах, кто-то идет. Так сердце и упало. (Прячет ключ в карман.) Нет!.. Никого! Что я так испугалась! И ключ спрятала... Ну, уж, знать, там ему и быть! Видно, сама судьба того хочет! Да какой же в этом грех, если я взгляну на него раз, хоть издали-то! Да хоть и поговорю-то, так все не беда! А как же я мужу-то!.. Да ведь он сам не захотел. Да может, такого и случая-то еще во всю жизнь не выдет. Тогда и плачься на себя: был случай, да не умела пользоваться. Да что я говорю-то, что я себя обманываю? Мне хоть умереть, да увидеть его. Перед кем я притворяюсь-то!.. Бросить ключ! Нет, ни за что на свете! Он мой теперь... Будь что будет, а я Бориса увижу! Ах, кабы ночь поскорее!..

Действие третье

Сцена 1-я

Улица. Ворота дома Кабановых, перед воротами скамейка.

Явление первое

Кабанова и Феклуша сидят на скамейке.

Феклуша. Последние времена, матушка Марфа Игнатьевна, последние, по всем приметам последние. Еще у вас в городе рай и тишина, а по другим городам так просто содом, матушка: шум, беготня, езда беспрестанная! Народ-то так и снует, один туда, другой сюда.

Кабанова. Некуда нам торопиться-то, милая, мы и живем не спеша.

Феклуша. Нет, матушка, оттого у вас тишина в городе, что многие люди, вот хоть бы вас взять, добродетелями, как цветами, украшаются; оттого все и делается прохладно и благочинно. Ведь эта беготня-то, матушка, что значит? Ведь это суета! Вот хоть бы в Москве; бегает народ взад да вперед неизвестно зачем. Вот она суета-то и есть. Суетный народ, матушка Марфа Игнатьевна, вот он и бегает. Ему представляется-то, что он за делом бежит; торопится, бедный: людей не узнает, ему мерещится, что его манит некто; а придет на место-то, ан пусто, нет ничего, мечта одна. И пойдет в тоске. А другому мерещится, что будто он догоняет кого-то знакомого. Со стороны-то свежий человек сейчас видит, что никого нет; а тому-то все кажется от суеты, что он догоняет. Суета-то ведь она вроде тумана бывает. Вот у вас в этакой прекрасный вечер редко кто и за вороты-то выдет посидеть; а в Москве-то теперь гульбища да игрища, а по улицам-то инда грохот идет; стон стоит. Да чего, матушка Марфа Игнатьевна, огненного змия стали запрягать: все, видишь, для-ради скорости.

Кабанова. Слышала я, милая.

Феклуша. А я, матушка, так своими глазами видела; конечно, другие от суеты не видят ничего, так он им машиной показывается, они машиной и называют, а я видела, как он лапами-то вот так (растопыривает пальцы) делает. Ну, и стон, которые люди хорошей жизни, так слышат.

Кабанова. Назвать-то всячески можно, пожалуй, хоть машиной назови; народ-то глуп, будет всему верить. А меня хоть ты золотом осыпь, так я не поеду.

Феклуша. Что за крайности, матушка! Сохрани господи от такой напасти! А вот еще, матушка Марфа Игнатьевна, было мне в Москве видение некоторое. Иду я рано поутру, еще чуть брезжится, и вижу на высоком-превысоком доме, на крыше, стоит кто-то, лицом черен. Уж сами понимаете кто. И делает он руками, как будто сыпет что, а ничего не сыпется. Тут я догадалась, что это он плевелы сыпет, а народ днем в суете-то в своей невидимо и подберет. Оттого-то они так и бегают, оттого и женщины-то у них все такие худые, тела-то никак не нагуляют, да как

будто они что потеряли, либо чего ищут: в лице печаль, даже жалко.

Кабанова. Все может быть, моя милая! В наши времена чего дивиться!

Феклуша. Тяжелые времена, матушка Марфа Игнатьевна, тяжелые. Уж и время-то стало в умаление приходить.

Кабанова. Как так, милая, в умаление?

Феклуша. Конечно, не мы, где нам заметить в суете-то! А вот умные люди замечают, что у нас и время-то короче становится. Бывало, лето и зима-то тянутся-тянутся, не дождешься, когда кончатся; а нынче и не увидишь, как пролетят. Дни-то и часы все те же как будто остались; а время-то, за наши грехи, все короче и короче делается. Вот что умные-то люди говорят.

Кабанова. И хуже этого, милая, будет.

Феклуша. Нам-то бы только не дожить до этого.

Кабанова. Может, и доживем.

Входит Дикой.

Явление второе

Те же и Дикой.

Кабанова. Что это ты, кум, бродишь так поздно?

Дикой. А кто ж мне запретит?

Кабанова. Кто запретит! кому нужно!

Дикой. Ну и, значит, нечего разговаривать. Что я, под началом, что ль, у кого? Ты еще что тут! Какого еще тут черта водяного!..

Кабанова. Ну, ты не очень горло-то распускай! Ты найди подешевле меня! А я тебе дорога! Ступай своей дорогой, куда шел. Пойдем, Феклуша, домой. (Встает.)

Дикой. Постой, кума, постой! Не сердись. Еще успеешь дома-то быть: дом-то твой не за горами. Вот он!

Кабанова. Коли ты за делом, так не ори, а говори толком.

Дикой. Никакого дела нет, а я хмелён, вот что!

Кабанова. Что ж ты мне теперь хвалить тебя прикажешь за это?

Дикой. Ни хвалить, ни бранить. А значит, я хмелён; ну, и кончено дело. Пока не просплюсь, уж этого дела поправить нельзя.

Кабанова. Так ступай, спи!

Дикой. Куда же это я пойду?

Кабанова. Домой. А то куда же!

Дикой. А коли я не хочу домой-то?

Кабанов. Отчего же это, позволь тебя спросить?

Дикой. А потому что у меня там война идет.

Кабанова. Да кому ж там воевать-то? Ведь ты один только там воин-то и есть.

Дикой. Ну так что ж, что я воин? Ну, что ж из этого?

Кабанова. Что? Ничего. А и честь-то не велика, потому что воюешь-то ты всю

жизнь с бабами. Вот что.
Дикой. Ну, значит, они и должны мне покоряться. А то я, что ли, покоряться стану!
Кабанова. Уж немало я дивлюсь на тебя: столько у тебя народу в доме, а на тебя на одного угодить не могут.
Дикой. Вот поди ж ты!
Кабанова. Ну, что ж тебе нужно от меня?
Дикой. А вот что: разговори меня, чтобы у меня сердце прошло. Ты только одна во всем городе умеешь меня разговорить.
Кабанова. Поди, Феклуша, вели приготовить закусить что-нибудь.
Феклуша уходит.
Пойдем в покои!
Дикой. Нет, я в покои не пойду, в покоях я хуже.
Кабанова. Чем же тебя рассердили-то?
Дикой. Еще с утра с самого.
Кабанова. Должно быть, денег просили.
Дикой. Точно сговорились, проклятые; то тот, то другой целый день пристают.
Кабанова. Должно быть, надо, коли пристают.
Дикой. Понимаю я это; да что ж ты мне прикажешь с собой делать, когда у меня сердце такое! Ведь уж знаю, что надо отдать, а все добром не могу. Друг ты мне, и я тебе должен отдать, а приди ты у меня просить — обругаю. Я отдам, отдам, а обругаю. Потому только заикнись мне о деньгах, у меня всю нутренную разжигать станет; всю нутренную вот разжигает, да и только; ну, и в те поры ни за что обругаю человека.
Кабанова. Нет над тобой старших, вот ты и куражишься.
Дикой. Нет, ты, кума, молчи! Ты слушай! Вот какие со мной истории бывали. О посту как-то, о великом, я говел, а тут нелегкая и подсунь мужичонка; за деньгами пришел, дрова возил. И принесло ж его на грех-то в такое время! Согрешил-таки: изругал, так изругал, что лучше требовать нельзя, чуть не прибил. Вот оно, какое сердце-то у меня! После прощенья просил, в ноги кланялся, право, так. Истинно тебе говорю, мужику в ноги кланялся. Вот до чего меня сердце доводит: тут на дворе, в грязи ему и кланялся; при всех ему кланялся.
Кабанова. А зачем ты нарочно-то себя в сердце приводишь? Это, кум, нехорошо.
Дикой. Как так нарочно?
Кабанова. Я видала, я знаю. Ты коли видишь, что просить у тебя чего-нибудь хотят, ты возьмешь да нарочно из своих на кого-нибудь и накинешься, чтобы рассердиться; потому что ты знаешь, что к тебе сердитому никто уж не пойдет. Вот что, кум!
Дикой. Ну, что ж такое? Кому своего добра не жалко!
Глаша входит.
Глаша. Марфа Игнатьевна, закусить поставлено, пожалуйте!
Кабанова. Что ж, кум, зайди! Закуси чем бог послал!
Дикой. Пожалуй.

Кабанова Милости просим! (Пропускает вперед Дикого и уходит за ним.)
Глаша, сложа руки, стоит у ворот.
Глаша. Никак, Борис Григорьич идет. Уж не за дядей ли? Аль так гуляет? Должно, так гуляет.

Входит Борис.

Явление третье

Глаша, Борис, потом Кулигин.

Борис. Не у вас ли дядя?
Глаша. У нас. Тебе нужно, что ль, его?
Борис. Послали из дому узнать, где он. А коли у вас, так пусть сидит: кому его нужно. Дома-то рады-радехоньки, что ушел.
Глаша. Нашей бы хозяйке за ним быть, она б его скоро прекратила. Что ж я, дура, стою-то с тобой! Прощай! (Уходит.)
Борис. Ах ты, господи! Хоть бы одним глазком взглянуть на нее! В дом войти нельзя; здесь незваные не ходят. Вот жизнь-то! Живем в одном городе, почти рядом, а увидишься раз в неделю, и то в церкви либо на дороге, вот и все! Здесь что вышла замуж, что схоронили, все равно. (Молчание.) Уж совсем бы мне ее не видать: легче бы было! А то видишь урывками, да еще при людях; во сто глаз на тебя смотрят. Только сердце надрывается. Да и с собой-то не сладишь никак. Пойдешь гулять, а очутишься всегда здесь у ворот. И зачем я хожу сюда? Видеть ее никогда нельзя, а еще, пожалуй, разговор какой выдет, ее-то в беду введешь. Ну, попал я в городок! (Идет, ему навстречу Кулигин.)
Кулигин. Что, сударь? Гулять изволите?
Борис. Да, так гуляю себе, погода очень хороша нынче.
Кулигин. Очень хорошо, сударь, гулять теперь. Тишина, воздух отличный, из-за Волги с лугов цветами пахнет, небо чистое...
Открылась бездна звезд полна,
Звездам числа нет, бездне — дна.
Пойдемте, сударь, на бульвар, ни души там нет.
Борис. Пойдемте!
Кулигин. Вот какой, сударь, у нас городишко! Бульвар сделали, а не гуляют. Гуляют только по праздникам, и то один вид делают, что гуляют, а сами ходят туда наряды показывать. Только пьяного приказного и встретишь, из трактира домой плетется. Бедным гулять, сударь, некогда, у них день и ночь забота. И спят-то всего часа три в сутки. А богатые-то что делают? Ну, что бы, кажется, им не гулять, не дышать свежим воздухом? Так нет. У всех давно ворота, сударь, заперты и собаки спущены. Вы думаете, они дело делают, либо богу молятся? Нет, сударь! И не от воров они запираются, а чтоб люди не видали, как они своих домашних едят поедом да семью тиранят. И что слез льется за этими запорами, невидимых

и неслышимых! Да что вам говорить, сударь! По себе можете судить. И что, сударь, за этими замками разврату темного да пьянства! И все шито да крыто — никто ничего не видит и не знает, видит только один бог! Ты, говорит, смотри в людях меня да на улице; а до семьи моей тебе дела нет; на это, говорит, у меня есть замки, да запоры, да собаки злые. Семья, говорит, дело тайное, секретное! Знаем мы эти секреты-то! От этих секретов-то, сударь, ему только одному весело, а остальные — волком воют. Да и что за секрет? Кто его не знает! Ограбить сирот, родственников, племянников, заколотить домашних так, чтобы ни об чем, что он там творит, пикнуть не смели. Вот и весь секрет. Ну, да бог с ними! А знаете, сударь, кто у нас гуляет? Молодые парни да девушки. Так эти у сна воруют часик-другой, ну и гуляют парочками. Да вот пара!

Показываются Кудряш и Варвара. Целуются.

Борис. Целуются.

Кулигин. Это у нас нужды нет.

Кудряш уходит, а Варвара подходит к своим воротам и манит Бориса. Он подходит.

Явление четвертое

Борис, Кулигин и Варвара.

Кулигин. Я, сударь, на бульвар пойду. Что вам мешать-то? Там и подожду.

Борис. Хорошо, я сейчас приду.

Кулигин уходит.

Варвара (закрываясь платком). Знаешь овраг за Кабановым садом?

Борис. Знаю.

Варвара. Приходи туда ужох попозже.

Борис. Зачем?

Варвара. Какой ты глупый! Приходи, там увидишь зачем. Ну, ступай скорей, тебя дожидаются.

Борис уходит.

Не узнал ведь! Пущай теперь подумает. А ужотка я знаю, что Катерина не утерпит, выскочит. (Уходит в ворота.)

Сцена 2-я

Ночь. Овраг, покрытый кустами; наверху забор сада Кабановых и калитка; сверху тропинка.

Явление первое

Кудряш (входит с гитарой). Нет никого. Что ж это она там! Ну, посидим да подождем. (Садится на камень.) Да со скуки песенку споем. (Поет.)

Как донской-то казак, казак вел коня поить,
Добрый молодец, уж он у ворот стоит,
У ворот стоит, сам он думу думает,
Думу думает, как будет жену губить.
Как жена-то, жена мужу возмолилася,
Во скорых-то ноги ему поклонилася:
Уж ты, батюшка, ты ли мил сердечный друг!
Ты не бей, не губи ты меня со вечера!
Ты убей, загуби меня со полуночи!
Дай уснуть моим малым детушкам,
Малым детушкам, всем ближним соседушкам.

Входит Борис.

Явление второе

Кудряш и Борис.

Кудряш (перестает петь). Ишь ты! Смирен, смирен, а тоже в разгул пошел.

Борис. Кудряш, это ты?

Кудряш. Я, Борис Григорьич!

Борис. Зачем это ты здесь?

Кудряш. Я-то? Стало быть, мне нужно, Борис Григорьич, коли я здесь. Без надобности б не пошел. Вас куда бог несет?

Борис (оглядывая местность). Вот что, Кудряш: мне бы нужно здесь остаться, а тебе ведь, я думаю, все равно, ты можешь идти и в другое место.

Кудряш. Нет, Борис Григорьич, вы, я вижу, здесь еще в первый раз, а у меня уж тут место насиженное, и дорожка-то мной протоптана. Я вас люблю, сударь, и на всякую вам услугу готов; а на этой дорожке вы со мной ночью не встречайтесь, чтобы, сохрани господи, греха какого не вышло. Уговор лучше денег.

Борис. Что с тобой, Ваня?

Кудряш. Да что: Ваня! Я знаю, что я Ваня. А вы идите своей дорогой, вот и все. Заведи себе сам, да и гуляй себе с ней, и никому до тебя дела нет. А чужих не трогай! У нас так не водится, а то парни ноги переломают. Я за свою... да я и не знаю, что сделаю! Горло перерву!
Борис. Напрасно ты сердишься; у меня и на уме-то нет отбивать у тебя. Я бы и не пришел сюда, кабы мне не велели.
Кудряш. Кто ж велел?
Борис. Я не разобрал, темно было. Девушка какая-то остановила меня на улице и сказала, чтобы я именно сюда пришел, сзади сада Кабановых, где тропинка.
Кудряш. Кто ж бы это такая?
Борис. Послушай, Кудряш. Можно с тобой поговорить по душе, ты не разболтаешь?
Кудряш. Говорите, не бойтесь! У меня все одно что умерло.
Борис. Я здесь ничего не знаю, ни порядков ваших, ни обычаев; а дело-то такое...
Кудряш. Полюбили, что ль, кого?
Борис. Да, Кудряш.
Кудряш. Ну, что ж, это ничего. У нас насчет этого слободно. Девки гуляют себе, как хотят, отцу с матерью и дела нет. Только бабы взаперти сидят.
Борис. То-то и горе мое.
Кудряш. Так неужто ж замужнюю полюбили?
Борис. Замужнюю, Кудряш.
Кудряш. Эх, Борис Григорьич, бросить надоть!
Борис. Легко сказать — бросить! Тебе это, может быть, все равно; ты одну бросишь, а другую найдешь. А я не могу этого! Уж я коли полюбил...
Кудряш. Ведь это, значит, вы ее совсем загубить хотите, Борис Григорьич!
Борис. Сохрани господи! Сохрани меня господи! Нет, Кудряш, как можно! Захочу ли я ее погубить! Мне только бы видеть ее где-нибудь, мне больше ничего не надо.
Кудряш. Как, сударь, за себя поручиться! А ведь здесь какой народ! Сами знаете. Съедят, в гроб вколотят.
Борис. Ах, не говори этого, Кудряш! пожалуйста, не пугай ты меня!
Кудряш. А она-то вас любит?
Борис. Не знаю.
Кудряш. Да вы видались когда аль нет?
Борис. Я один раз только и был у них с дядей. А то в церкви вижу, на бульваре встречаемся. Ах, Кудряш, как она молится, кабы ты посмотрел! Какая у ней на лице улыбка ангельская, а от лица-то как будто светится.
Кудряш. Так это молодая Кабанова, что ль?
Борис. Она, Кудряш.
Кудряш. Да! Так вот оно что! Ну, честь имеем проздравить!

Борис. С чем?
Кудряш. Да как же! Значит, у вас дело на лад идет, коли сюда приходить велели.

Борис. Так неужто она велела?
Кудряш. А то кто же?
Борис. Нет, ты шутишь! Этого быть не может. (Хватается за голову.)
Кудряш. Что с вами?
Борис. Я с ума сойду от радости.
Кудряш. Вота! Есть от чего с ума сходить! Только вы смотрите, себе хлопот не наделайте, да и ее-то в беду не введите! Положим, хоть у нее муж и дурак, да свекровь-то больно люта.

Варвара выходит из калитки.

Явление третье

Те же и Варвара, потом Катерина.

Варвара (у калитки поет).
За рекою за быстрою мой Ваня гуляет,
Там мой Ванюшка гуляет...
Кудряш (продолжает).
Товар закупает.

(Свищет).

Варвара (сходит по тропинке и, закрыв лицо платком, подходит к Борису). Ты, парень, подожди. Дождешься чего-нибудь. (Кудряшу.) Пойдем на Волгу.
Кудряш. Ты что ж так долго? Ждать вас еще! Знаешь, что не люблю!

Варвара обнимает его одной рукой, и уходят.

Борис. Точно я сон какой вижу! Эта ночь, песни, свидания! Ходят обнявшись. Это так ново для меня, так хорошо, так весело! Вот и я жду чего-то! А чего жду — и не знаю, и вообразить не могу; только бьется сердце, да дрожит каждая жилка. Не могу даже и придумать теперь, что сказать-то ей, дух захватывает, подгибаются колени! Вот какое у меня сердце глупое, раскипится вдруг, ничем не унять. Вот идет.

Катерина тихо сходит по тропинке, покрытая большим белым платком, потупив глаза в землю. Молчание.

Это вы Катерина Петровна?

Молчание.

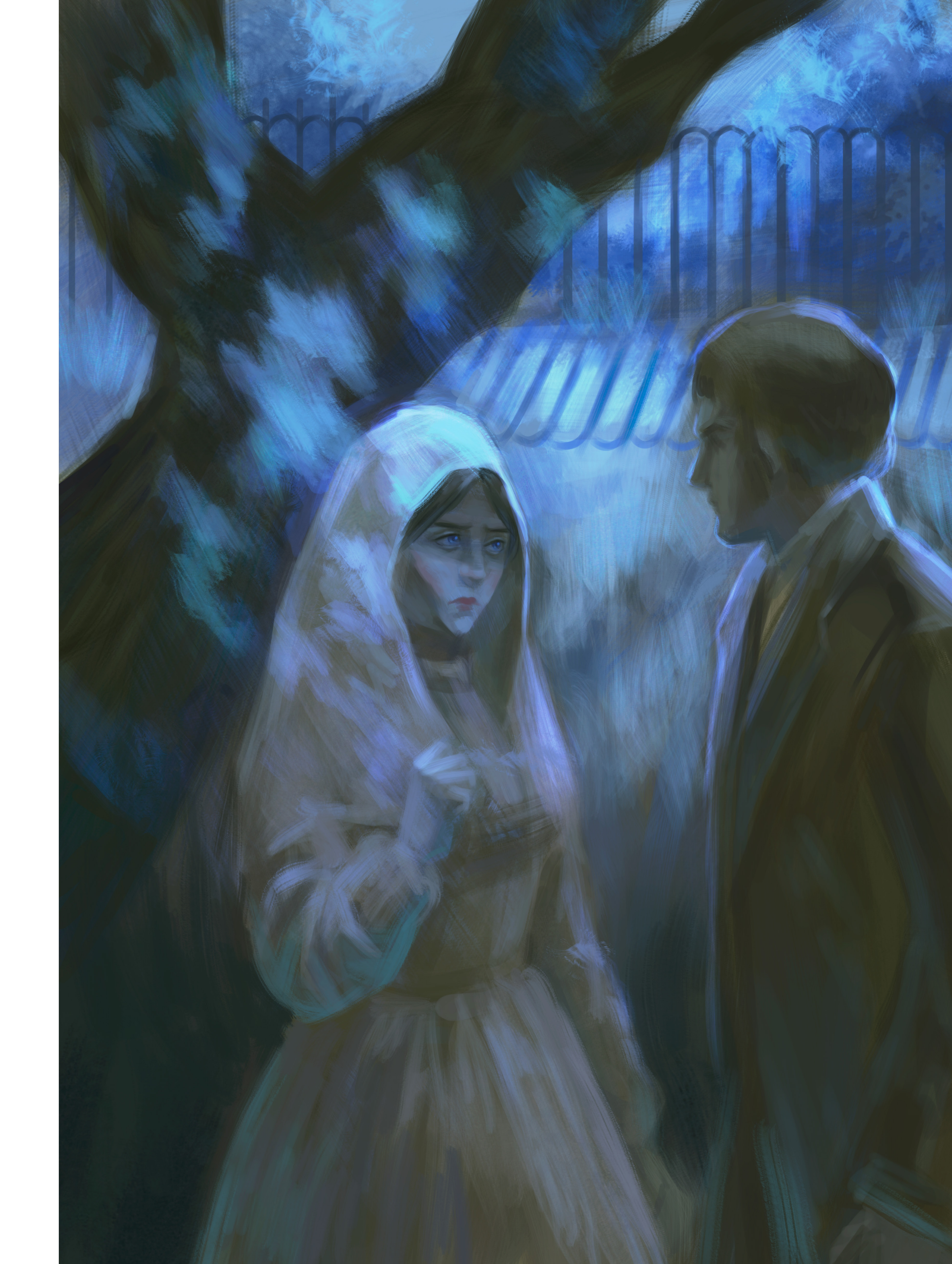
Уж как мне благодарить вас, я и не знаю.

Молчание.

Кабы вы знали, Катерина Петровна, как я люблю вас! (Хочет взять ее за руку.)
Катерина (с испугом, но не подымая глаз). Не трогай, не трогай меня! Ах, ах!
Борис. Не сердитесь!
Катерина. Поди от меня! Поди прочь, окаянный человек! Ты знаешь ли: ведь мне не замолить этого греха, не замолить никогда! Ведь он камнем ляжет на душу, камнем.
Борис. Не гоните меня!
Катерина. Зачем ты пришел? Зачем ты пришел, погубитель мой? Ведь я замужем, ведь мне с мужем жить до гробовой доски...
Борис. Вы сами велели мне прийти...
Катерина. Да пойми ты меня, враг ты мой: ведь до гробовой доски!
Борис. Лучше б мне не видать вас!
Катерина (с волнением). Ведь что я себе готовлю. Где мне место-то, знаешь ли?
Борис. Успокойтесь! (Берет ее за руку.) Сядьте!
Катерина. Зачем ты моей погибели хочешь?
Борис. Как же я могу хотеть вашей погибели, когда я люблю вас больше всего на свете, больше самого себя!
Катерина. Нет, нет! Ты меня загубил!
Борис. Разве я злодей какой?
Катерина (качая головой). Загубил, загубил, загубил!
Борис. Сохрани меня бог! Пусть лучше я сам погибну!
Катерина. Ну как же ты не загубил меня, коли я, бросивши дом, ночью иду к тебе.
Борис. Ваша воля была на то.
Катерина. Нет у меня воли. Кабы была у меня своя воля, не пошла бы я к тебе.

(Поднимает глаза и смотрит на Бориса.)

Небольшое молчание.

Твоя теперь воля надо мной, разве ты не видишь! (Кидается к нему на шею.)
Борис (обнимает Катерину). Жизнь моя!
Катерина. Знаешь что? Теперь мне умереть вдруг захотелось!
Борис. Зачем умирать, коли нам жить так хорошо?
Катерина. Нет, мне не жить! Уж я знаю, что не жить.
Борис. Не говори, пожалуйста, таких слов, не печаль меня...
Катерина. Да, тебе хорошо, ты вольный казак, а я!..
Борис. Никто и не узнает про нашу любовь. Неужели же я тебя не пожалею!
Катерина. Э! Что меня жалеть, никто виноват — сама на то пошла. Не жалей, губи меня! Пусть все знают, пусть все видят, что я делаю! (Обнимает Бориса.) Коли я для тебя греха не побоялась, побоюсь ли я людского суда? Говорят, даже легче бывает, когда за какой-нибудь грех здесь, на земле, натерпишься.
Борис. Ну, что об этом думать, благо нам теперь-то хорошо!
Катерина. И то! Надуматься-то да наплакаться-то еще успею на досуге.
Борис. А я было испугался, я думал, ты меня прогонишь.
Катерина (улыбаясь). Прогнать! Где уж! С нашим ли сердцем! Кабы ты не пришел, так я, кажется, сама бы к тебе пришла.
Борис. Я и не знал, что ты меня любишь.
Катерина. Давно люблю. Словно на грех ты к нам приехал. Как увидела тебя, так уж не своя стала. С первого же раза, кажется, кабы ты поманил меня, я бы и пошла за тобой; иди ты хоть на край света, я бы все шла за тобой и не оглянулась бы.
Борис. Надолго ль муж-то уехал?
Катерина. На две недели.
Борис. О, так мы погуляем! Время-то довольно.
Катерина. Погуляем. А там... (Задумывается.) Как запрут на замок, вот смерть! А не запрут, так уж найду случай повидаться с тобой!
Входят Кудряш и Варвара.
Явление четвертое
Те же, Кудряш и Варвара.
Варвара. Ну, что, сладили?
Катерина прячет лицо у Бориса на груди.
Борис. Сладили.
Варвара. Пошли бы погуляли, а мы подождем. Когда нужно будет, Ваня крикнет.
Борис и Катерина уходят. Кудряш и Варвара садятся на камень.
Кудряш. А это вы важную штуку придумали, в садовую калитку лазить. Оно для нашего брата очень способно.
Варвара. Все я.
Кудряш. Уж тебя взять на это. А мать-то не хватится?..
Варвара. Э! Куда ей! Ей и в лоб-то не влетит.
Кудряш. А ну, на грех?
Варвара. У нее первый сон крепок: вот к утру, так просыпается.
Кудряш. Да ведь как знать! Вдруг ее нелегкая поднимет.

Варвара. Ну так что ж! У нас калитка-то, которая со двора, изнутри заперта, из саду; постучит, постучит, да так и пойдет. А поутру мы скажем, что крепко спали, не слыхали. Да и Глаша стережет; чуть что, она сейчас голос подаст. Без опаски нельзя! Как же можно! Того гляди, в беду попадешь.
Кудряш берет несколько аккордов на гитаре. Варвара прилегает к плечу Кудряша, который, не обращая внимания, тихо играет.
Варвара (зевая). Как бы это узнать, который час?
Кудряш. Первый.
Варвара. Почем ты знаешь?
Кудряш. Сторож в доску бил.
Варвара (зевая). Пора. Покричи-ка! Завтра мы пораньше выдем, так побольше погуляем.
Кудряш (свищет и громко запевает).
Все домой, все домой!
А я домой не хочу.
Борис (за сценой). Слышу!
Варвара (встает). Ну, прощай! (Зевает, потом целует холодно, как давно знакомого.) Завтра смотрите приходите пораньше! (Смотрит в ту сторону, куда пошли Борис и Катерина.) Будет вам прощаться-то, не навек расстаетесь, завтра увидитесь. (Зевает и потягивается.)
Вбегают Катерина, за ней Борис.
Явление пятое
Кудряш, Варвара, Борис и Катерина.
Катерина (Варваре). Ну, пойдем, пойдем! (Всходят по тропинке. Катерина оборачивается.) Прощай!
Борис. До завтра.
Катерина. Да, до завтра! Что во сне увидишь, скажи! (Подходит к калитке.)
Борис. Непременно.
Кудряш (поет под гитару).
Гуляй, млада, до поры,
До вечерней до зари!
Ай-лели, до поры,
До вечерней до зари.
Варвара (у калитки).
А я, млада, до поры,
До утренней до зари,
Ай-лели, до поры,
До утренней до зари!
(Уходит.)
Кудряш.
Как зорюшка занялась,
А я домой поднялась
и т. д.

Действие четвертое

На первом плане узкая галерея со сводами старинной, начинающей разрушаться постройки; кой-где трава и кусты; за арками берег и вид на Волгу.

Явление первое

Несколько гуляющих обоего пола проходят за арками.

1-й. Дождь накрапывает, как бы гроза не собралась?

2-й. Гляди, соберется.

1-й. Еще хорошо, что есть где схорониться.

Входят все под своды.

Женщина. А что народу-то гуляет на бульваре! День праздничный, все повышли. Купчихи такие разряженные.

1-й. Попрячутся куда-нибудь.

2-й. Гляди, что теперь народу сюда набьется!

1-й (осматривая стены). А ведь тут, братец ты мой, когда-нибудь, значит, расписано было. И теперь еще местами означает.

2-й. Ну да, как же! Само собой, что расписано было. Теперь, ишь ты, все впусте оставлено, развалилось, заросло. После пожару так и не поправляли. Да ты и пожару-то этого не помнишь, этому лет сорок будет.

1-й. Что бы это такое, братец ты мой, тут нарисовано было; довольно затруднительно это понимать.

2-й. Это геенна огненная.

1-й. Так, братец ты мой!

2-й. И едут туда всякого звания люди.

1-й. Так, так, понял теперь.

2-й. И всякого чину.

1-й. И арапы?

2-й. И арапы.

1-й. А это, братец ты мой, что такое?

2-й. А это Литовское разорение. Битва! видишь? Как наши с Литвой бились.

1-й. Что ж это такое Литва?

2-й. Так она Литва и есть.

1-й. А говорят, братец ты мой, она на нас с неба упала.

2-й. Не умею тебе сказать. С неба так с неба. Женщина. Толкуй еще! Все знают, что с неба; и где был какой бой с ней, там для памяти курганы насыпаны.

1-й. А что, братец ты мой! Ведь это так точно.

Входят Дикой и за ним Кулигин без шапки. Все кланяются и принимают почтительное положение.

Явление второе

Те же, Дикой и Кулигин.

Дикой. Ишь ты, замочило всего. (Кулигину.) Отстань ты от меня! Отстань! (С сердцем.) Глупый человек!

Кулигин. Савел Прокофьич, ведь от этого, ваше степенство, для всех вообще обывателей польза.

Дикой. Поди ты прочь! Какая польза! Кому нужна эта польза?

Кулигин. Да хоть бы для вас, ваше степенство, Савел Прокофьич. Вот бы, сударь, на бульваре, на чистом месте, и поставить. А какой расход? Расход пустой: столбик каменный (показывает жестами размер каждой вещи), дощечку медную, такую круглую, да шпильку, вот шпильку прямую (показывает жестом), простую самую. Уж я все это прилажу, и цифры вырежу уже все сам. Теперь вы, ваше степенство, когда изволите гулять, или прочие, которые гуляющие, сейчас подойдете и видите, который час. А то этакое место прекрасное, и вид, и все, а как будто пусто. У нас тоже, ваше степенство, и проезжие бывают, ходят туда наши виды смотреть, все-таки украшение — для глаз оно приятней.

Дикой. Да что ты ко мне лезешь со всяким вздором! Может, я с тобой и говорить-то не хочу. Ты должен был прежде узнать, в расположении ли я тебя слушать, дурака, или нет. Что я тебе — ровный, что ли? Ишь ты, какое дело нашел важное! Так прямо с рылом-то и лезет разговаривать.

Кулигин. Кабы я со своим делом лез, ну, тогда был бы я виноват. А то я для общей пользы, ваше степенство. Ну, что значит для общества каких-нибудь рублей десять! Больше, сударь, не понадобится.

Дикой. А может, ты украсть хочешь; кто тебя знает.

Кулигин. Коли я свои труды хочу даром положить, что же я могу украсть, ваше степенство? Да меня здесь все знают; про меня никто дурно не скажет.

Дикой. Ну, и пущай знают, а я тебя знать не хочу.

Кулигин. За что, сударь, Савел Прокофьич, честного человека обижать изволите?

Дикой. Отчет, что ли, я стану тебе давать! Я и поважней тебя никому отчета не даю. Хочу так думать о тебе, так и думаю. Для других ты честный человек, а я думаю, что ты разбойник, вот и все. Хотелось тебе это слышать от меня? Так вот слушай! Говорю, что разбойник, и конец! Что ж ты, судиться, что ли, со мной будешь? Так ты знай, что ты червяк. Захочу — помилую, захочу — раздавлю.

Кулигин. Бог с вами, Савел Прокофьич! Я, сударь, маленький человек, меня обидеть недолго. А я вам вот что доложу, ваше степенство: «И в рубище почтенна добродетель!»

Дикой. Ты у меня грубить не смей! Слышишь ты!

Кулигин. Никакой я грубости вам, сударь, не делаю, а говорю вам потому, что, может быть, вы и вздумаете когда что-нибудь для города сделать. Силы у вас, ваше степенство, иного; была б только воля на доброе дело. Вот хоть бы теперь то возьмем: у нас грозы частые, а не заведем мы громовых отводов.

Дикой (гордо). Все суета!

Кулигин. Да какая же суета, когда опыты были.

Дикой. Какие такие там у тебя громовые отводы?

Кулигин. Стальные.

Дикой (с гневом). Ну, еще что?

Кулигин. Шесты стальные.

Дикой (сердясь более и более). Слышал, что шесты, аспид ты этакой; да еще-то что? Наладил: шесты! Ну, а еще что?

Кулигин. Ничего больше.

Дикой. Да гроза-то что такое по-твоему, а? Ну, говори!

Кулигин. Электричество.

Дикой (топнув ногой). Какое еще там елестричество! Ну как же ты не разбойник! Гроза-то нам в наказание посылается, чтобы мы чувствовали, а ты хочешь шестами да рожнами какими-то, прости господи, обороняться. Что ты, татарин, что ли? Татарин ты? А? говори! Татарин?

Кулигин. Савел Прокофьич, ваше степенство, Державин сказал:

Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю.

Дикой. А за эти вот слова тебя к городничему отправить, так он тебе задаст! Эй, почтенные! прислушайте-ка, что он говорит!

Кулигин. Нечего делать, надо покориться! А вот когда будет у меня миллион, тогда я поговорю. (Махнув рукой, уходит.)

Дикой. Что ж ты, украдешь, что ли, у кого? Держите его! Этакой фальшивый мужичонка! С этим народом какому надо быть человеку? Я уж не знаю. (Обращаясь к народу.) Да вы, проклятые, хоть кого в грех введете! Вот не хотел нынче сердиться, а он, как нарочно, рассердил-таки. Чтоб ему провалиться! (Сердито.) Перестал, что ль, дождик-то?

1-й. Кажется, перестал.

Дикой. Кажется! А ты, дурак, сходи да посмотри. А то: кажется!

1-й. (выйдя из-под сводов). Перестал!

Дикой уходит, и все за ним. Сцена несколько времени пуста. Под своды быстро входит Варвара и, притаившись, высматривает.

Явление третье

Варвара и потом Борис.

Варвара. Кажется, он!

Борис проходит в глубине сцепы.

Сс-сс!

Борис оглядывается.

Поди сюда.

Манит рукой, Борис входит.

Что нам с Катериной-то делать? Скажи на милость!

Борис. А что?

Варвара. Беда ведь, да и только. Муж приехал, ты знаешь ли это? И не ждали его, а он приехал.

Борис. Нет, я не знал.

Варвара. Она просто сама не своя сделалась.

Борис. Видно, только я и пожил десять деньков, пока его не было. Уж теперь и не увидишь ее!

Варвара. Ах ты какой! Да ты слушай! Дрожит вся, точно ее лихорадка бьет; бледная такая, мечется по дому, точно чего ищет. Глаза как у помешанной! Давеча утром плакать принялась, так и рыдает. Батюшки мои! что мне с ней делать?

Борис. Да, может быть, пройдет это у нее!

Варвара. Ну, уж едва ли. На мужа не смеет глаз поднять. Маменька замечать это стала, ходит да все на нее косится, так змеей и смотрит; а она от этого еще хуже. Просто мука глядеть-то на нее! Да и я боюсь.

Борис. Чего же ты боишься?

Варвара. Ты ее не знаешь! Она ведь чудная какая-то у нас. От нее все станется! Таких дел наделает, что...

Борис. Ах, боже мой! Что же делать-то? Ты бы с ней поговорила хорошенько. Неужли уж нельзя ее уговорить?

Варвара. Пробовала. И не слушает ничего. Лучше и не подходи.

Борис. Ну, как же ты думаешь, что она может сделать?

Варвара. А вот что: бухнет мужу в ноги, да и расскажет все. Вот чего я боюсь.

Борис (с испугом). Может ли это быть!

Варвара. От нее все может быть.

Борис. Где она теперь?

Варвара. Сейчас с мужем на бульвар пошли, и маменька с ними. Пройди и ты, коли хочешь. Да нет, лучше не ходи, а то она, пожалуй, и вовсе растеряется.

Вдали удары грома.

Никак, гроза? (Выглядывает.) Да и дождик. А вот и народ повалил. Спрячься там где-нибудь, а я тут на виду стану, чтоб не подумали чего.

Входят несколько лиц разного звания и пола.

Явление четвертое

Разные лица и потом Кабанова, Кабанов, Катерина и Кулигин.

1-й. Должно быть, бабочка-то очень боится, что так торопится спрятаться.

Женщина. Да уж как ни прячься! Коли кому на роду написано, так никуда не уйдешь.

Катерина (вбегая). Ах! Варвара! (Хватает ее за руку и держит крепко.)

Варвара. Полно, что ты!

Катерина. Смерть моя!

Варвара. Да ты одумайся! Соберись с мыслями!

Катерина. Нет! Не могу. Ничего не могу. У меня уж очень сердце болит.

Кабанова (входя). То-то вот, надо жить-то так, чтобы всегда быть готовой ко всему; страху-то бы такого не было.

Кабанов. Да какие ж, маменька, у нее грехи такие могут быть особенные? Все такие же, как и у всех у нас, а это так уж она от природы боится.

Кабанова. А ты почем знаешь? Чужая душа потемки.

Кабанов (шутя). Уж разве без меня что-нибудь, а при мне, кажись, ничего не было.

Кабанова. Может быть, и без тебя.

Кабанов (шутя). Катя, кайся, брат, лучше, коли в чем грешна. Ведь от меня не

скроешься: нет, шалишь! Все знаю!

Катерина (смотрит в глаза Кабанову). Голубчик мой!

Варвара. Ну что ты пристаешь! Разве не видишь, что ей без тебя тяжело.

Борис выходит из толпы и раскланивается с Кабановым.

Катерина (вскрикивает). Ах!

Кабанов. Что ты испугалась! Ты думала, чужой? Это знакомый! Дядюшка здоров ли?

Борис. Слава богу!

Катерина (Варваре). Чего ему еще надо от меня?.. Иль ему мало этого, что я так мучаюсь. (Приклоняясь к Варваре, рыдает.)

Варвара (громко, чтобы мать слышала). Мы с ног сбились, не знаем, что делать с ней; а тут еще посторонние лезут! (Делает Борису знак, тот отходит к самому выходу.)

Кулигин (выходит на середину, обращаясь к толпе). Ну чего вы боитесь, скажите на милость! Каждая теперь травка, каждый цветок радуется, а мы прячемся, боимся, точно напасти какой! Гроза убьет! Не гроза это, а благодать! Да, благодать! У вас все гроза! Северное сияние загорится — любоваться бы надобно да дивиться премудрости: «С полночных стран встает заря»! А вы ужасаетесь да придумываете, к войне это или к мору. Комета ли идет — не отвел бы глаз! красота! звезды-то уж пригляделись, всё одни и те же, а это обновка; ну смотрел бы да любовался! А вы боитесь и взглянуть-то на небо, дрожь вас берет! Изо всего-то вы себе пугал наделали. Эх, народ! Я вот не боюсь. Пойдемте, сударь!

Борис. Пойдемте! Здесь страшнее!

Уходят.

Явление пятое

Те же без Бориса и Кулигина.

Кабанова. Ишь какие рацеи развел! Есть что послушать, уж нечего сказать! Вот времена-то пришли, какие-то учители появились. Коли старик так рассуждает, чего уж от молодых-то требовать!

Женщина. Ну, все небо обложило. Ровно шапкой, так и накрыло.

1-й. Эко, братец ты мой, точно клубком туча-то вьется, ровно что в ней там живое ворочается. А так на нас и ползет, так и ползет, как живая!

2-й. Уж ты помяни мое слово, что эта гроза даром не пройдет. Верно тебе говорю: потому знаю. Либо уж убьет кого-нибудь, либо дом сгорит; вот увидишь: потому, смотри! какой цвет необнакновенный!

Катерина (прислушиваясь). Что они говорят? Они говорят, что убьет кого-нибудь.

Кабанов. Известно: так городят зря, что в голову придет.

Кабанова. Ты не осуждай постарше себя! Они больше твоего знают. У старых людей на все приметы есть. Старый человек на ветер слова не скажет.

Катерина (мужу). Тиша, я знаю, кого убьет.

Варвара (Катерине тихо). Ты уж хоть молчи-то!

Кабанов. Ты почем знаешь?

Катерина. Меня убьет. Молитесь тогда за меня.

Входит барыня с лакеями. Катерина с криком прячется.

Явление шестое

Те же и барыня.

Барыня. Что прячешься! Нечего прятаться! Видно, боишься: умирать-то не хочется! Пожить хочется! Как не хотеться! видишь, какая красавица! Ха, ха, ха! Красота! А ты молись богу, чтоб отнял красоту-то! Красота-то ведь погибель наша! Себя погубишь, людей соблазнишь, вот тогда и радуйся красоте-то своей. Много, много народу в грех введешь! Вертопрахи на поединки выходят, шпагами колют друг друга. Весело! Старики старые, благочестивые, об смерти забывают, соблазняются на красоту-то! А кто отвечать будет? За все тебе отвечать придется. В омут лучше с красотой-то! Да скорей, скорей!

Катерина прячется.

Куда прячешься, глупая! От бога-то не уйдешь!

Удар грома.

Все в огне гореть будете в неугасимом! (Уходит.)

Катерина. Ах! Умираю!

Варвара. Что ты мучаешься-то, в самом деле! Стань к сторонке да помолись: легче будет.

Катерина (подходит к стене и опускается на колени, потом быстро вскакивает). Ах! Ад! Ад! Геенна огненная!

Кабанова, Кабанов и Варвара окружают ее.

Все сердце изорвалось! Не могу я больше терпеть! Матушка! Тихон! Грешна я перед богом и перед вами! Не я ли клялась тебе, что не взгляну ни на кого без тебя! Помнишь, помнишь! А знаешь ли, что я, беспутная, без тебя делала? В первую же ночь я ушла из дому...

Кабанов (растерявшись, в слезах дергает ее за рукав). Не надо, не надо! не говори! Что ты! Матушка здесь!

Кабанова (строго). Ну, ну, говори, коли уж начала.

Катерина. И все-то десять ночей я гуляла... (Рыдает.)

Кабанов хочет обнять ее.

Кабанова. Брось ее! С кем?

Варвара. Врет она, она сама не знает, что говорит.

Кабанова. Молчи ты! Вот оно что! Ну, с кем же?

Катерина. С Борисом Григорьевичем.

Удар грома.

Ах! (Падает без чувств на руки мужа.)

Кабанова. Что, сынок! Куда воля-то ведет! Говорила я, так ты слушать не хотел. Вот и дождался!

Действие пятое

Декорация первого действия. Сумерки.

Явление первое

Кулигин сидит на лавочке, Кабанов идет по бульвару.
Кулигин (поет).

Ночною темнотою покрылись небеса,
Все люди для покою закрыли уж глаза,
и проч.

(Увидав Кабанова.) Здравствуйте, сударь! Далеко ли изволите?
Кабанов. Домой. Слышал, братец, дела-то наши? Вся, братец, семья в расстройство пришла.
Кулигин. Слышал, слышал, сударь.
Кабанов. Я в Москву ездил, ты знаешь? На дорогу-то маменька читала, читала мне наставления-то, а я как выехал, так загулял. Уж очень рад, что на волю-то вырвался. И всю дорогу пил, и в Москве все пил, так это кучу, что на-поди! Так, чтобы уж на целый год отгуляться. Ни разу про дом-то и не вспомнил. Да хоть бы и вспомнил-то, так мне бы и в ум не пришло, что тут делается. Слышал?
Кулигин. Слышал, сударь.
Кабанов. Несчастный я теперь, братец, человек! Так ни за что я погибаю, ни за грош!
Кулигин. Маменька-то у вас больно крута.
Кабанов. Ну да. Она-то всему и причина. А я за что погибаю, скажи ты мне на милость? Я вот зашел к Дикому, ну, выпили; думал — легче будет; нет, хуже, Кулигин! Уж что жена против меня сделала! Уж хуже нельзя...
Кулигин. Мудреное дело, сударь. Мудрено вас судить.
Кабанов. Нет, постой! Уж на что еще хуже этого. Убить ее за это мало. Вот маменька говорит: ее надо живую в землю закопать, чтоб она казнилась! А я ее люблю, мне ее жаль пальцем тронуть. Побил немножко, да и то маменька приказала. Жаль мне смотреть-то на нее, пойми ты это, Кулигин. Маменька ее поедом ест, а она как тень какая ходит, безответная. Только плачет да тает как воск. Вот я и убиваюсь, глядя на нее.
Кулигин. Как бы нибудь, сударь, ладком дело-то сделать! Вы бы простили ей, да и не поминали никогда. Сами-то, чай, тоже не без греха!
Кабанов. Уж что говорить!
Кулигин. Да уж так, чтобы и под пьяную руку не попрекать! Она бы вам, сударь, была хорошая жена; гляди — лучше всякой.
Кабанов. Да пойми ты, Кулигин: я-то бы ничего, а маменька-то... разве с ней сговоришь!..

Кулигин. Пора бы уж вам, сударь, своим умом жить.
Кабанов. Что ж мне, разорваться, что ли! Нет, говорят, своего-то ума. И, значит, живи век чужим. Я вот возьму да последний-то, какой есть, пропью; пусть маменька тогда со мной, как с дураком, и нянчится.
Кулигин. Эх, сударь! Дела, дела! Ну, а Борис-то Григорьевич, сударь, что?
Кабанов. А его, подлеца, в Тяхту, к китайцам. Дядя к знакомому купцу какому-то посылает туда на контору. На три года его туды.
Кулигин. Ну, что же он, сударь?
Кабанов. Мечется тоже; плачет. Накинулись мы давеча на него с дядей, уж ругали, ругали — молчит. Точно дикий какой сделался. Со мной, говорит, что хотите, делайте, только ее не мучьте! И он к ней тоже жалость имеет.
Кулигин. Хороший он человек, сударь.
Кабанов. Собрался совсем, и лошади уж готовы. Так тоскует, беда! Уж я вижу, что ему проститься хочется. Ну, да мало ли чего! Будет с него. Враг ведь он мне, Кулигин! Расказнить его надобно на части, чтобы знал...
Кулигин. Врагам-то прощать надо, сударь!
Кабанов. Поди-ка поговори с маменькой, что она тебе на это скажет. Так, братец Кулигин, все наше семейство теперь врозь расшиблось. Не то что родные, а точно вороги друг другу. Варвару маменька точила-точила; а та не стерпела, да и была такова — взяла да и ушла.
Кулигин. Куда ушла?
Кабанов. Кто ее знает. Говорят, с Кудряшом с Ванькой убежала, и того также нигде не найдут. Уж это, Кулигин, надо прямо сказать, что от маменьки; потому стала ее тиранить и на замок запирать. «Не запирайте, говорит, хуже будет!» Вот так и вышло. Что ж мне теперь делать, скажи ты мне! Научи ты меня, как мне жить теперь! Дом мне опостылел, людей совестно, за дело возьмусь — руки отваливаются. Вот теперь домой иду; на радость, что ль, иду?

Входит Глаша.

Глаша. Тихон Иваныч, батюшка!
Кабанов. Что еще?
Глаша. Дома у нас нездорово, батюшка!
Кабанов. Господи! Так уж одно к одному! Говори, что там такое?
Глаша. Да хозяюшка ваша...
Кабанов. Ну, что ж? Умерла, что ль?
Глаша. Нет, батюшка; ушла куда-то, не найдем нигде. Сбились с ног, искамши.
Кабанов. Кулигин! надо, брат, бежать искать ее. Я, братец, знаешь, чего боюсь? Как бы она с тоски-то на себя руки не наложила! Уж так тоскует, так тоскует, что ах! На нее-то глядя, сердце рвется. Чего ж вы смотрели-то? Давно ль она ушла-то?
Глаша. Недавнушко, батюшка! Уж наш грех, недоглядели. Да и то сказать: на всякий час не остережешься.
Кабанов. Ну, что стоишь-то, беги!

Глаша уходит.
И мы пойдем, Кулигин!
Уходят.

Сцена несколько времени пуста. С противоположной стороны выходит Катерина и тихо идет по сцене.

Явление второе

Катерина (одна) 1. Нет, нигде нет! Что-то он теперь, бедный, делает? Мне только проститься с ним, а там... а там хоть умирать. За что я его в беду ввела? Ведь мне не легче от того! Погибать бы мне одной! А то себя погубила, его погубила, себе бесчестье — ему вечный покор! Да! Себе бесчестье — ему вечный покор. (Молчание.) Вспомнить бы мне, что он говорил-то? Как он жалел-то меня? Какие слова-то говорил? (Берет себя за голову.) Не помню, все забыла. Ночи, ночи мне тяжелы! Все пойдут спать, и я пойду; всем ничего, а мне как в могилу. Так страшно в потемках! Шум какой-то сделается, и поют, точно кого хоронят; только так тихо, чуть слышно, далеко, далеко от меня... Свету-то так рада сделаешься! А вставать не хочется, опять те же люди, те же разговоры, та же мука. Зачем они так смотрят на меня? Отчего это нынче не убивают? Зачем так сделали? Прежде, говорят, убивали. Взяли бы да и бросили меня в Волгу; я бы рада была. «Казнить-то тебя, говорят, так с тебя грех снимется, а ты живи да мучайся своим грехом». Да уж измучилась я! Долго ль еще мне мучиться!.. Для чего мне теперь жить, ну для чего? Ничего мне не надо, ничего мне не мило, и свет божий не мил! А смерть не приходит. Ты ее кличешь, а она не приходит. Что ни увижу, что ни услышу, только тут (показывая на сердце) больно. Еще кабы с ним жить, может быть, радость бы какую-нибудь я и видела... Что ж: уж все равно, уж душу свою я ведь погубила. Как мне по нем скучно! Ах, как мне по нем скучно! Уж коли не увижу я тебя, так хоть услышь ты меня издали! Ветры буйные, перенесите вы ему мою печаль-тоску! Батюшки, скучно мне, скучно! (Подходит к берегу и громко во весь голос.) Радость моя, жизнь моя, душа моя, люблю тебя!

Откликнись! (Плачет.)

Входит Борис.

Явление третье

Катерина и Борис.

Борис (не видя Катерины). Боже мой! Ведь это ее голос! Где же она? (Оглядывается.)
Катерина (подбегает к нему и падает на шею). Увидела-таки я тебя! (Плачет на

груди у него.)
Молчание.
Борис. Ну, вот и поплакали вместе, привел бог.
Катерина. Ты не забыл меня?
Борис. Как забыть, что ты!
Катерина. Ах, нет, не то, не то! Ты не сердишься?
Борис. За что мне сердиться?
Катерина. Ну, прости меня! Не хотела я тебе зла сделать; да в себе не вольна была. Что говорила, что делала, себя не помнила.
Борис. Полно, что ты! что ты!
Катерина. Ну, как же ты? Теперь-то ты как?
Борис. Еду.
Катерина. Куда едешь?
Борис. Далеко, Катя, в Сибирь.
Катерина. Возьми меня с собой отсюда!
Борис. Нельзя мне, Катя. Не по своей я воле еду: дядя посылает, уж и лошади готовы; я только отпросился у дяди на минуточку, хотел хоть с местом-то тем проститься, где мы с тобой виделись.
Катерина. Поезжай с богом! Не тужи обо мне. Сначала только разве скучно будет тебе, бедному, а там и позабудешь.
Борис. Что обо мне-то толковать! Я вольная птица. Ты-то как? Что свекровь-то?
Катерина. Мучает меня, запирает. Всем говорит и мужу говорит: «Не верьте ей, она хитрая». Все и ходят за мной целый день и смеются мне прямо в глаза. На каждом слове все тобой попрекают.
Борис. А муж-то?
Катерина. То ласков, то сердится, да пьет все. Да постыл он мне, постыл, ласка-то его мне хуже побоев.
Борис. Тяжело тебе, Катя?
Катерина. Уж так тяжело, так тяжело, что умереть легче!
Борис. Кто ж это знал, что нам за любовь нашу так мучиться с тобой! Лучше б бежать мне тогда!
Катерина. На беду я увидела тебя. Радости видела мало, а горя-то, горя-то что! Да еще впереди-то сколько! Ну, да что думать о том, что будет! Вот я теперь тебя видела, этого они у меня не отымут; а больше мне ничего не надо. Только ведь мне и нужно было увидать тебя. Вот мне теперь гораздо легче сделалось; точно гора с плеч свалилась. А я все думала, что ты на меня сердишься, проклинаешь меня...
Борис. Что ты, что ты!
Катерина. Да нет, все не то я говорю; не то я хотела сказать! Скучно мне было по тебе, вот что; ну, вот я тебя увидала...
Борис. Не застали б нас здесь!
Катерина. Постой, постой! Что-то я тебе хотела сказать! Вот забыла! Что-то нужно было сказать! В голове-то все путается, не вспомню ничего.
Борис. Время мне, Катя!

Катерина. Погоди, погоди!
Борис. Ну, что же ты сказать-то хотела?
Катерина. Сейчас скажу. (Подумав.) Да! Поедешь ты дорогой, ни одного ты нищего так не пропускай, всякому подай, да прикажи, чтоб молились за мою грешную душу.
Борис. Ах, кабы знали эти люди, каково мне прощаться с тобой! Боже мой! Дай бог, чтоб им когда-нибудь так же сладко было, как мне теперь. Прощай, Катя! (Обнимает ее и хочет уйти.) Злодеи вы! Изверги! Эх, кабы сила!
Катерина. Постой, постой! Дай мне поглядеть на тебя в последний раз. (Смотрит ему в глаза.) Ну, будет с меня! Теперь бог с тобой, поезжай. Ступай, скорее ступай!
Борис (отходит несколько шагов и останавливается). Катя, нехорошо что-то! Не задумала ли ты чего? Измучусь я дорогой-то, думавши о тебе.
Катерина. Ничего, ничего! Поезжай с богом!
Борис хочет подойти к ней.
Не надо, не надо, довольно!
Борис (рыдая). Ну, бог с тобой! Только одного и надо у бога просить, чтоб она умерла поскорее, чтобы ей не мучиться долго! Прощай! (Кланяется.)
Катерина. Прощай!

Борис уходит. Катерина провожает его глазами и стоит несколько времени задумавшись.

Явление четвертое

Катерина (одна). Куда теперь? Домой идти? Нет, мне что домой, что в могилу — все равно. Да, что домой, что в могилу!.. что в могилу! В могиле лучше... Под деревцом могилушка... как хорошо!.. Солнышко ее греет, дождичком ее мочит... весной на ней травка вырастет, мягкая такая... птицы прилетят на дерево, будут петь, детей выведут, цветочки расцветут: желтенькие, красненькие, голубенькие... всякие (задумывается), всякие... Так тихо! так хорошо! Мне как будто легче! А об жизни и думать не хочется. Опять жить? Нет, нет, не надо... нехорошо! И люди мне противны, и дом мне противен, и стены противны! Не пойду туда! Нет, нет, не пойду! Придешь к ним, они ходят, говорят, а на что мне это? Ах, темно стало! И опять поют где-то! Что поют? Не разберешь... Умереть бы теперь... Что поют? Все равно, что смерть придет, что сама... а жить нельзя! Грех! Молиться не будут? Кто любит, тот будет молиться... Руки крест-накрест складывают... в гробу! Да, так... я вспомнила. А поймают меня, да воротят домой насильно... Ах, скорей, скорей! (Подходит к берегу. Громко.) Друг мой! Радость моя! Прощай! (Уходит.)

Входят Кабанова, Кабанов, Кулигин и работник с фонарем.

Явление пятое

Кабанова, Кабанов и Кулигин.

Кулигин. Говорят, здесь видели.
Кабанов. Да это верно?
Кулигин. Прямо на нее говорят.
Кабанов. Ну, слава богу, хоть живую видели-то.
Кабанова. А ты уж испугался, расплакался! Есть о чем. Не беспокойся: еще долго нам с ней маяться будет.
Кабанов. Кто ж это знал, что она сюда пойдет! Место такое людное. Кому в голову придет здесь прятаться.
Кабанова. Видишь, что она делает! Вот какое зелье! Как она характер-то свой хочет выдержать!
С разных сторон собирается народ с фонарями.
Один из народа. Что, нашли?
Кабанова. То-то, что нет. Точно провалилась куда.
Несколько голосов. Эка притча! Вот оказия-то! И куда б ей деться!
Один из народа. Да найдется!
Другой. Как не найтись!
Третий. Гляди, сама придет.
Голос за сценой: «Эй, лодку!»
Кулигин (с берега). Кто кричит? Что там?
Голос: «Женщина в воду бросилась!»
Кулигин и за ним несколько человек убегают.

Явление шестое

Те же без Кулигина.

Кабанов. Батюшки, она ведь это! (Хочет бежать.)
Кабанова удерживает его за руку.
Маменька, пустите, смерть моя! я ее вытащу, а то так и сам... Что мне без нее!
Кабанова. Не пущу, и не думай! Из-за нее да себя губить, стоит ли она того! Мало нам она страму-то наделала, еще что затеяла!
Кабанов. Пустите!
Кабанова. Без тебя есть кому. Прокляну, коли пойдешь.
Кабанов (падая на колени). Хоть взглянуть-то мне на нее!
Кабанова. Вытащут: взглянешь.
Кабанов (встает, к народу). Что, голубчики, не видать ли чего?
1-й. Темно внизу-то, не видать ничего.

Шум за сценой.
2-й. Словно кричат что-то, да ничего не разберешь.
1-й. Да это Кулигина голос.
2-й. Вон с фонарем по берегу ходят.
1-й. Сюда идут. Вон и ее несут.
Несколько народа возвращается.
Один из возвратившихся. Молодец Кулигин! Тут близехонько в омуточке у берега; с огнем-то оно в воду-то далеко видно: он платье и увидал, и вытащил ее.
Кабанов. Жива?
Другой. Где уж жива! Высоко бросилась-то: тут обрыв, да, должно быть, на якорь попала, ушиблась, бедная! А точно, ребяты, как живая! Только на виске маленькая ранка, и одна только, как есть одна, капелька крови.
Кабанов бросается бежать; навстречу ему Кулигин с народом несут Катерину.
Явление седьмое
Те же и Кулигин.
Кулигин. Вот вам ваша Катерина. Делайте с ней что хотите! Тело ее здесь, возьмите его; а душа теперь не ваша: она теперь перед судией, который милосерднее вас! (Кладет на землю и убегает.)
Кабанов (бросается к Катерине). Катя! Катя!
Кабанова. Полно! Об ней и плакать-то грех!
Кабанов. Маменька, вы ее погубили! вы, вы, вы...
Кабанова. Что ты? Аль себя не помнишь! Забыл, с кем говоришь!
Кабанов. Вы ее погубили! Вы! Вы!
Кабанова (сыну). Ну, я с тобой дома поговорю. (Низко кланяется народу.) Спасибо вам, люди добрые, за вашу услугу!
Все кланяются.
Кабанов. Хорошо тебе, Катя! А я-то зачем остался жить на свете да мучиться! (Падает на труп жены.)

Александр Николаевич Островский (1823 - 1886) - русский драматург, творчество которого стало важнейшим этапом развития русского национального театра.
Действие пьесы "Гроза" происходит летом в вымышленном городе Калинове на берегу реки Волги. В семействе Кабановых царит домострой, всем заправляет мать Тихона - Марфа Игнатьевна Кабанова. Жена Тихона Катерина, главная героиня, в доме своих родителей жила в любви и ласке. Все изменилось, когда она вышла замуж за Тихона. И вот Катерина влюбляется в Бориса - племянника Дикого. Борис тоже тайно влюблён в нее. Катерина признаётся мужу в измене, и жизнь ее становится совершенно невыносимой…

